

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В большом рукописном наследии известного отечественного лингвиста, чл.-корр. АН СССР Николая Владимировича Юшманова (1896—1946) наряду с работами по интерлингвистике (космоглоттике)*, семитологии и африканистике имеется исследование, которое можно было бы охарактеризовать как исследование по фонетической типологии — «Этюды по общей фонетике на материале неиндоевропейских языков».

Оригинал публикуемой рукописи находится в ЛО архива АН СССР в фонде чл.-корр. АН СССР Н. В. Юшманова.

Черновые наброски к данной работе были опубликованы под заглавием «Этюды» в книге «Проблемы африканского языкознания (Типология, компаративистика, описание языков)» (М., 1972) в разделе IV. Научные публикации (с. 314—327).

«Предварительные замечания» самого автора свидетельствуют о том, что к печати им подготовлен раздел исследования, в котором излагаются наблюдения и результаты сравнительно-типологической работы, проведенной им в начале 40-х годов нашего столетия.

Исследование таких фонетических явлений, как «блуждающая назализация» и «пермутация согласных», опирается на материалы семитских языков, ряда африканских языков, относящихся к различным семьям (чадской, банту, манде, к атлантическим языкам), угро-финских, палеоазиатских, полинезийских и кавказских языков и является для своего времени первой типологической разработкой фонетических явлений, наблюдаемых в языках разной генетической принадлежности и различных структурных систем. Многие из привлеченных ученым языков были еще мало известны и мало исследованы в начале 40-х годов. В настоящее время по каждой из групп имеются специальные работы (см. соответствующие разделы комментария), некоторые фонетические явления, обнаруженные Н. В. Юшмановым, также попали в поле зрения специалистов и получают свою интерпретацию в синхронном и историческом планах (см., например, в комментариях работы по африканским и кавказским языкам). Но остается несомненным, что типологические обобщения и интерпретации этих явлений Н. В. Юшмановым и в наши дни вызовут большой интерес как у лингвистов широкого профиля, так и у специалистов по отдельным языкам.

В общем названии темы («Стадиальная фонетика»), в некоторых ее разделах (III. А. 2 «Стадии развития плавных») Н. В. Юшманов придерживается официального направления в языкознании тех лет, заданного учением Н. Я. Марра. Данное исследование является как бы прелюдией к дальнейшей и окончательной работе по стадиальной фонетике. В разделе III. А. 2 автор намечает единый путь фонетического развития, общий для языков различных систем и семей. Однако именно на конкретном материале, подвергнутом далее анализу, читатель убеждается в сосуществовании «стадий», соответствующих скорее различным типам фонетических систем, чем различным стадиям единого и последовательного процесса языкового развития. О формальном примыкании Н. В. Юшманова к учению Н. Я. Марра см. подготовленную к печати книгу В. М. Алпатова «История одного мифа. Н. Я. Марр и марризм» (гл. IV. «За щитом»).

Работа ученого публикуется без изменений текста и транскрипции. При этом следует отметить, что в ряде случаев авторская транскрипция и авторский способ передачи грамматических форм в некоторых языках отличаются от принятых в настоящее время.

Примечания к тексту Н. В. Юшманова помещены после статьи. Ссылки на них даны в тексте статьи цифрами со звездочкой.

Примечания к разделу «Особенности соответствий плавных согласных в картвельских языках» подготовлены Я. Г. Тестельцом.

Выражается также искренняя благодарность А. Н. Барулину, А. И. Коваль, Л. Р. Концевичу, А. Ю. Милитареву, В. Я. Порхоновскому, Я. Г. Тестельцу, Е. А. Хелимскому, С. Б. Янкивер, которые любезно предоставили помощь и консультации на разных этапах подготовки данной рукописи к печати, а также руководству ЛО архива АН СССР и архива ЛО ИВ АН СССР.

Белова А. Г.

* См. недавнюю публикацию С. Н. Кузнецова: Н. В. Юшманов. Всемирный язык (1928) // ИАН СЛЯ. 1987. № 5. С. 457—468.

ЭТЮДЫ ПО ОБЩЕЙ ФОНЕТИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ
НЕИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
(ИЗ ТРЕХЛЕТНЕЙ ПЕРЕХОДЯЩЕЙ ТЕМЫ «СТАДИАЛЬНАЯ
ФОНЕТИКА» 1940 — 1942 ГГ.)

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Блуждающая назализация в хауса:
 1. Сущность явления
 2. Отражения в специальной литературе
 3. Аналогичные явления в других языках
 4. Заключение
- II. Законы пермутации согласных в нивхском (гиляцком) языке и в некоторых африканских языках (фуль и судо-чуана):
 1. Схождения в чередовании согласных
 2. Функции чередований в сравниваемых языках
 3. Фонетическая сторона явления
 4. Морфологическая сторона явления
- III. Особенности соответствий плавных согласных в картвельских языках:
 - A. Грузинское *-l-* // мегрело-чанское *-r-*
 1. Описания явления и примеры
 2. Стадии развития плавных
 - B. Грузинское *-r-* // мегрело-чанское *-nʒ-*
 1. Описание явления и примеры
 2. Объяснение явления

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящие «Этюды» представляют собой сравнительно небольшую часть исследований, производимых мной по вопросам стадиальной фонетики, т. е. фонетической части единого языковторческого процесса. Как известно, основоположник нового учения о языке покойный академик Н. Я. Марр в своих языковедных изысканиях уделял немало внимания и фонетике, но, не будучи фонетистом ни по своей подготовке, ни по своим преимущественным интересам и привлекая фонетику лишь попутно с другими отделами языкознания, он не смог дать ни одного обобщающего труда из области стадиальной фонетики, ни исследовательской программы для тех, кто взял бы на себя выполнение подобной задачи. Однако Н. Я. Марр научил нас методу широкого внеродственно-типологического сближения языков и тем самым дал нам возможность разрабатывать вглубь и вширь новое учение о языке, включая и стадиальную фонетику. Полагаю, что мои работы последних лет подтвердили, насколько ценным и плодотворным оказывается метод Марра в самых, казалось бы, трудных и запутанных участках языкознания. Обильное привлечение материала неиндоевропейских, зачастую бесписьменных и младописьменных языков со всего земного шара — то, на чем всегда так настаивал Н. Я. Марр, — повлияло даже на общее заглавие моих «Этюд» (тем более, что в большинстве пособий по общей фонетике основным образом учитываются только важнейшие индоевропейские языки); это не значит,

однако, ни в какой мере, что «Этюды» игнорируют индоевропейские языки (таковые учитываются и приводятся в каждом этюде!), но ареной, на которой я наблюдаю явления, охваченные «Этюдами», служат мне неиндоевропейские языки. Всего здесь даются три этюда:

I. Блуждающая назализация в хауса ^{1*}.

II. Законы пермутации в нивхском (гиляцком) ^{2*} языке и некоторых африканских языках (фуль ^{3*} и суто-чуана ^{4*}).

III. Особенности соответствий плавных согласных в картвельских языках.

Как видно уже из заглавий этюдов, эти темы еще не дают самой стадимальной фонетики, но лишь приближаются к ней, представляя те предварительные опыты и наброски, без которых нет возможности решать трудные основные вопросы стадимального языкознания; это, как выражаются немцы, *Skizzen und Vorarbeiten*. До сих пор из таких опытов мною был опубликован лишь один — «Фонетические параллели африканских и яфетических языков» в сб. «Africana», т. I, с. 19—44 ^{5*}. Другой опыт «Семито-хамито-яфетические сжатогортанные» публикуется в сб. «Язык и мышление», т. XI ^{6*}. Немало отдельных моментов из стадимальной фонетики встречается и в других моих работах, не посвященных целиком стадимальной фонетике, так особенно в статье «Сингармонизм урмийского наречия» в сб. «Памяти Н. Я. Марра», с. 295—324 ^{7*}. Большинство публикуемых мною исследований было в свое время доложено и обсуждено на заседаниях Института языка и мышления имени Н. Я. Марра, в том числе и все три этюда, которые публикуются в настоящем сборнике.

Следует отметить, что этюды, выделенные для данной публикации, объединены известной внутренней связью: они все посвящены вопросам «неожиданных эффектов», возникающих при взаимодействии шумных и сонорных согласных, причем первые два этюда прокладывают путь к третьему этюду, посвященному в конечном счете так называемому мегрельскому закону — одному из труднейших вопросов как яфетического, так и общего языкознания.

В работе, где на одной странице встречается подчас десяток различных языков с весьма различным звуковым составом, приходится считаться с известной трудностью, которая до сих пор довольно далека от удовлетворительного разрешения, именно — с отсутствием единой общепринятой фонетической транскрипции. Здесь не место обсуждать этот сложный вопрос, необычайно запутанный как в идеологическом, так и в техническом отношении; ограничиваюсь самым необходимым — даю указания, как прочесть вслух приводимые написания из многочисленных языков.

В своей практической орфографии приводятся европейские языки и хауса; для последнего нужно отметить: *c = r*, *k = дж* (восточные диалекты) или *ж* (западные диалекты), *sh = ш*, *w = y*, *y = й*, кроме того, *k'* и *ts* — согласные с гортанным взрывом. Прочие языки приводятся в транскрипции, составленной с таким расчетом, чтобы транслитерация грузинского алфавита, которым пользуются для картвельских языков, совпадала с системой, принятой учеными Советской Грузии ¹.

В транскрипции нужно отметить из простых латинских букв *c = ц*, *q = язычковое k*, *x = x*; из деформированных букв *ə* (широкое *ы*), *ɤ* (заднеязычный носовой), *ʒ* (слитное *дз*); из греческих букв *β*, *γ*, *δ*, *θ*, *φ*

¹ Урартские памятники музея Грузии. Издал Г. В. Церетели. Тбилиси, 1939, с. 76.

(щелевые *b, g, d, t, n*); диакритические значки — — напряженность, — долгота, — открытость, —' (при согласных) = палатализация, — шипящая, — оглушение, — < глубокое образование, ' — гортанный взрыв. ' — сдвоенный голос, — неслоговая функция гласного, ° — лабиализация, — слоговая функция согласного. Изредка в квадратных скобках дается уточнение знаками международной фонетической ассоциации.

1. БЛУЖДАЮЩАЯ НАЗАЛИЗАЦИЯ В ХАУСА

1. Сущность явления

В языке хауса есть явление, пронизывающее весь словарь и всю грамматику, но насколько мне известно, нигде не описанное и не исследованное. Это явление, которое можно назвать блуждающей назализацией, состоит в том, что во многих словах носовой согласный может то появляться, то исчезать, несколько не влияя на значение. Блуждающая назализация встречается и в своих и в заимствованных словах хауса; последние очень поучительны в том отношении, что, зная источник заимствования, мы легко можем убедиться в добавочности (вторичности) блуждающего носового согласного. За изъятием крайне немногочисленных случаев начального *ny*[ɲ] явление встречается лишь внутри слова и притом лишь перед интервокальным согласным, т. е. выражается в чередовании сочетаний типа *ata ~ anta*.

Приведу примеры, иллюстрирующие блуждающую назализацию в хауса, распределив их по группам в зависимости от происхождения <и> функции в языке.

1) Заимствованные слова:

hankali «ум» ← араб. *'aql* (народное *'aqāl*) «ум»;
liz(z)āmi ~ linzāmi «узда» ← араб. *ližām* «узда»²;
lugga ~ lunga «ученая речь, непонятная для масс» ← араб. *luḡa* «язык»;
manja «майор» ← англ. *major*[meɪdʒə] «майор»³;
miya ~ minya «сто» ← араб. *mi'a* (народное *miya*) «сто».

2) Свои слова как словарные единицы:

jiyya ~ jinya «уход за больным», *sauyā ~ sanyā* «род кустарника»;
k'āwa ~ k'anwa «сильное желание», *tabo ~ tambo* «шрам»;
k'idaye ~ kidanya «считать», *iattabara ~ tantabara* «голубь»;
kūhū ~ kunhū «легкие (орган)»;

² В современном хауса шипящие согласные встречаются перед любым гласным, но еще не так давно они могли быть только перед *e* и *i*. Поэтому в заимствованных словах возможна замена слога «шипящий + гласный заднего ряда» слогом «свиштящий + гласный заднего ряда».

³ Туземцы хауса не допускаются к офицерским чинам, но самое большое — к унтер-офицерским званиям, среди которых есть и *sergeant* — *major* [sz:dʒnt-meɪdʒə]. Последнее усвоено в форме *sajamanja* — с явным фонетическим возде́нствием первого члена сложения на последний. Отсюда и отдельное *manja* для известного офицерского чина.

mauya ~ manya «большие, знатные», *yamyam ~ nyamnyam* «людоед»,
taya ~ tauya ~ tanya «помогать»;
musāya ~ musanya «выменивать», *yunwa ~ nyunwa* «голод».

3) Свои слова как грамматические производные:

а) Усилительная порода гласных (интенсив):

fī «превосходить» → *fāye ~ fanye*, *cī* «кушать» → *cinya, canye*;

jā «тянуть» → *jāye ~ janye*, *shā* «пить» → *shanye*;

k'ī «не хотеть» → *k'īye ~ k'inye*, *sō* «хотеть» → *sonye, sanye*.

б) Имя качества и отыменный глагол (деноминатив)

*karatu*⁴ // *karanta* «читать» ← араб. *qara'a* «читать»;

kusāci ~ kusanci «близость» ← хауса *kusa* «близ»;

munāfucci ~ munāfunci «лицемерие» ← араб. *munāfiq* «лицемер»;

nīsāta ~ nīsanta «удалять» ← хауса *nīsa* «даль».

Число примеров можно было бы значительно увеличить, если привлечь менее очевидные случаи, требующие каждый раз специального исследования. Приведу в качестве образца таких примеров пару *koko* // *kwanko* «чашка, стакан». Здесь неприятная, но вполне обычная история: пособия по хауса, написанные лучшими знатоками языка, расходятся между собой. А. Mischlich^{8*} дает в своих пособиях однородную пару: *kōkō* // *kōnko* «чашка, кубок, стакан», тогда как Bargey^{9*} дает в своем словаре два разнородных слова: *k'ōk'ō* «маленькая горлянка (бутылка из тыквы)» и *kwanko* «жестянка для папирос, консервов и т. д.» без чистого варианта. Зная, что гласный *o*, попав в закрытый слог, распадается на лабиализацию предыдущего согласного + гласный *a* (точнее [ɔ]) и что это явление отмечается Mischlich'ом посредством написания *o* (черточка под буквой гласного — значок Lepsius'a^{10*} для открытых гласных), а официальной орфографией, проводимой у Bargey, посредством *wa*; и усматривая в разнице значений вполне обычную функциональную смену (название туземного сосуда распространяется на привозные сосуды), мы могли бы не сомневаться, что *k'ōk'ō* и *kwanko* — варианты того же слова. Спорадическая мена простого *k* и эйективного (смычно-гортанного) *k'* в хауса известна, например: *k(')oroso* «род погремушки», *k(')undā* «род пресноводной устрицы», *k(')wark(')wata* «вошь».

Остается учесть еще одно обстоятельство. Когда идет речь о вариантах, необходимо установить, употребляются ли оба варианта в одном и том же речевом коллективе или один вариант привычен одному речевому коллективу, а другой — другому. Относительно приведенных примеров можно сказать, что словари иногда приурочивают отдельные варианты к отдельным диалектам или к группе ближайших друг к другу диалектов. Так, по словарю Bargey, варианты *lizzami* и *k'idanya* принадлежат кацинскому диалекту, а вариант *kunhu* — зарийскому, тогда как варианты *jinya* и *musanya* — группе диалектов, именно зарийскому, кацинскому и сокотскому. Тем не менее многие примеры являются общехаусанскими (таковы случаи без вариантов, например, *hankali*, *manja*, *karanta*). Это заставляет нас рассматривать все явление в целом как общехаусанское. Бывают и такие любопытные случаи: общехаусанское *tsuntsū* «птица» имеет общехаусанское же множественное число *tsuntsāyē*, но в катагум-

⁴ Слово *karatu* значит собственно «чтение», но используется и как инфинитив «читать». Названная пара соответствует аналогичной паре *rubutu* «писание» // *rubuta* «писать», но последнее слово не принимает блуждающей назализации.

ском диалекте сохранилась форма множественного числа *tsuwā* — *tsuwāi*, которая показывает, что и единственное число когда-то звучало **tsūtsū*, т. е. без *-n*.

2. Отражения в специальной литературе

В литературе, посвященной языку хауса, находим изредка кое-какие высказывания по поводу той или иной группы слов, связанной с блуждающей назализацией, но явление в целом ускользает от исследователей. Рассмотрим то, что мне удалось до сих пор найти. С. Meinhof в главе «Hausa» своей известной книги *Die Sprachen der Hamiten* (Hamburg, 1912) касается блуждающей назализации в трех местах. Во-первых, на с. 61 он пишет: «В повторах появляется носовой согласный без постижимо-й причины, напр. *dandaka* „толочь“ от *daka* „толочь“. Сравните также именные окончания *-nta* при *-ta*, *-nči* при *-či*, равно как *idanduna*, мн. ч. к *ido* „глаз“, конечно, вместо **idaduna*». Значит, самые факты автору известны, неизвестно лишь их объяснение. Во-вторых, на с. 80 он пишет, что при образовании повторительной породы (итератива) посредством неполного повтора часто вставляется в основу некоренное *-n*, которое нужно рассматривать как остаток притяжательного соединения (*Genitivverbindung*), и в качестве примера он приводит опять *daka* «толочь» → *dandaka* «толочь». В-третьих, на с. 84, приводя уже знакомые нам формы интенсива на *-nye*, он делает сноску: «Замечательно, что *-ñe* появляется всегда только после односложных основ». Относительно итератива замечу, что необычные для хауса сочетания согласных, получающиеся при повторе, подвергаются полной ассимиляции в пользу второго члена сочетания, превращаясь таким образом в геминат; но, как мы видели на приводившихся уже примерах, интервокальный геминат (иных в хауса нет) нередко расподобляется в сочетание «носовой согласный + неносовой согласный», например *lugga* → *lunga*, следовательно, путь развития таков: *dakdaka* → *daddaka* → *dandaka*, а притяжательное соединение, о котором думает автор, здесь не при чем⁵. Что касается интенсива на *-nye*, *ka-na shā* «ты в питье» = «ты пьешь». Некоторые группы глаголов сохраняют в этом виде притяжательное соединение дополнения, например, *ka-na sha-n giya* «ты в питье пива» = «ты пьешь пиво». Элемент *-n*, связывающий предыдущее определяемое с последующим определением, т. е. выражающий родительный падеж последующего слова, называется по-сессивом и по функции соответствует персидскому изафету (хауса *gida-n ubā* = перс. *ẕāna-i padar* «дом отца»). Вот это-то *-n* Meinhof старается узнать в случаях, подобных глаголу *dandaka*.

⁵ Несовершенный вид в хауса образуется как именное предложение, например, автор правильно заметил его исключительное применение к односложным основам, но не знал вариантов с *-ye*, примеры которых я привел выше.

Другой автор, касающийся блуждающей назализации, — А. Klingenheben^{11*} в своей сделавшей эпоху статье *Die Silbenauslautgesetze des Hausa* (*Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen*, XVIII). Прежде всего отмечу очень важное наблюдение автора над живой речью хауса: он слышал носовые гласные в таких случаях, как *mī* «мы», *nīsa* ~ *nēsa* «даль» (с. 276). Эти примеры начинаются носовыми согласными *m̃-*, *ñ-*, что дает автору повод объяснить появление носовых гласных частичной ассимиляцией в пользу носовых согласных. Зная, что носовые гласные могут назализовать неносовые согласные, например, по-французски встречается [pānā] вместо [pādā], [p̃wēnmir] вместо [p̃wēdmir] для правописных *pendant*, *point de mire* (P. Passy. *Les changements phonétiques*. Paris, 1890, с. 183).

Мы могли бы попытаться свести блуждающую назализацию в хауса к подобного же рода ассимиляции, но этому препятствует наличие достаточно большого числа случаев, где наблюдается блуждающая назализация при отсутствии исконных носовых согласных, например, *kuhi* ~ *kinhi*, *taya* ~ *tanyā*. Затем перейдем к с. 279, где автор делает сноску об уже приводившемся мною слове *yinwa* ~ *nyinwa* «голод»; признавая первую форму первоначальной, он объясняет вторую форму из предположений вроде *ɲɲa jɪn yinwa* «я чувствую голод», где контакт *ɲ + y* приводит ко взаимной ассимиляции [*j* → *ɲj*], и, следовательно, возникает новая форма *nyinwa*. Объяснение остроумно, но неприменимо к случаю *yatuwat* ~ *nyatuwat* «людоед», которого автор не упоминает. Далее на с. 285 находим высказывание: «суффиксы отвлеченности звучат *-nta*, *-ntaka* и *-nɕi* только после гласного, после согласного же они опускают свой носовой согласный». И еще раз на этой же странице автор высказывается за исконность носовых форм *-nta*, *-ntaka*, *-nɕi*. Попутно он отмечает, что случай *abuta* «дружба» от *aboki* «друг» не является исключением, так как раньше было **abokta* (значит, суффикс находился после согласного). Если бы автор знал тогда случаи вроде *munafunci* «лицемерие» от араб. *munāfiq* «лицемер» и *kusāci* «близость» от *kusa* «близ», а также учел бы тождество суффиксов отвлеченности *-ta* // *-ci* с суффиксами отыменных глаголов *-ta* // *-ce* // *-ci*, он бы не высказался за исконность носовых форм: по его правилу нельзя объяснить ни имен, как *munafunci* и *kusāci*, ни глаголов, как *tsorata* «пугаться» от *tsoro* «страх» или *ruwaita* «интересоваться» от *ruwa* «интерес»!

Упомянем еще о замечании, которое делает D. Westermann на с. III своего небольшого пособия Die Sprache der Haussa in Zentralafrika (Berlin, 1911): «Однако я не обозначал согласные с носовым началом как таковые, ибо они мне еще малоизвестны и встречаются, кажется, в единичных случаях (напр. *ɲɲadú* „свинья“ наряду с *qɔadú*). Насколько я знаю, они отсутствуют в прежних описаниях языка». Пример, приводимый Westermann'ом, напоминает приводившийся выше пример *yinwa* ~ *nyinwa* «голод» и остроумное его объяснение, данное Klingenhöfen'ом; возможно, что из выражений вроде *ɲɲa-n gadu* «мясо свиньи» выделяется дублет с носовым началом, но в литературную речь такие дублеты почти не попадают (тем более, что слова в хауса не могут начинаться с неслогового [ɲ], да и со слоговых носовых начинаются весьма редко).

Наконец, упомянем, что туземец-информатор, которому R. Prietzel обязан своими текстами хауса, опубликованными в «Mitteilungen» Берлинского семинара восточных языков за 1926 г.^{12*}, писал арабскими буквами каждый геминат хауса как группу «*n* + согласный», не смущаясь даже такими необычными для хауса сочетаниями, как *nl* вместо *ll*. Это замечательно тем более, что арабское письмо располагает особым значком для удвоения согласных; если же человек избрал другой способ, можно думать, что в его сознании удвоение согласных отождествляется с блуждающей назализацией, хотя бы это отождествление и не оправдывалось в случаях *mt*, *kk*, *rr* за невозможностью сочетаний *nt*, *nl*, *nr* в хауса.

3. Аналогичные явления в других языках

Блуждающая назализация встречается во многих языках земного шара, но она мало где изучалась. Приведу примеры из известных мне языков, где это явление по крайней мере давно замечено, описано и посилено изучено.

Прежде всего упомянем итальянский язык с его диалектами ⁶: «Неясна вставка носового: *strambo, lambrusca, gomberuto, vincido*... Только в калабрийском, по-видимому, удвоенный согласный превращается с известной регулярностью в сочетание носовой + другой согласный: *sumportare, landa* (= *latta*), *imbu* (= *gibbus*), *mentu* (= *mitto*) и др. Кроме того, сицилийское *mienzu* (= *medius*); ломбардское *des-lenguare* (= *disliguare*); старогенуэзское *lenger* (= *leggiere*); неаполитанское *granonchia* (= *granocchia*) и т. д. В моденском *ninzola* (= **nūceola*) повлияло первое *n*». К этому нужно добавить, что итальянский язык — в отличие от многих других европейских языков — действительно соблюдает долгую выдержку согласных, указываемую удвоенным написанием буквы. Очень часто итальянское удвоение согласных является новшеством по сравнению с латынью, например, *accademia, commedia, fabbrica*... вместо *academia, comœdia, fabrica*...

Из других индоевропейских языков, допускающих аналогичные явления, назовем русский, где в диалектах наблюдается спорадическое развитие долгих *тт, дд* в группы *нт, нд*, например, *онтуда, антудя, антэда* вместо литературного *оттуда*; *ондай, ондам, ондал*... вместо литературных *отдай, отдам, отдал*... Случаи, как *это* вместо *это*, показывают, что приходится считать за спорадическим удлинением *т, д*: «Факты удлинения данных согласных не представляют вообще когда-либо и где-либо последовательно наблюдаемого фонетического закона: обычно это частные случаи, отмечаемые в литературном языке и в областных говорах» ⁷.

Теперь перейдем к семитским языкам. Здесь замечена и в значительной степени изучена диссимилиация геминатов ⁸; результатом этой диссимилиации являются чаще всего сочетания «носовой + другой согласный» или «*г* + другой согласный». Явление встречается как в древних, так и в новых семитских языках; как в исконных, так и в заимствованных словах. Из многочисленных примеров, собранных в семитологических пособиях, остановимся на тех, которые методически важны для нашего исследования. Так, в амхарском языке сочетание «носовой + другой согласный» появляется не только на месте исконных геминатов, как *zəbb* → *zəmb* «муха», но и на месте вторичных геминатов, как *ɰāld* → *ɰādd* → *ɰānd* «сын, мужчина». Также обстоит дело и в ассиро-вавилонском языке, например, *zibbu* → *zumbu* «муха», *inādin* → *inamdin* (читают: *inandin*) «он дает». Это нам важно учесть для таких случаев в хауса, как *lizzami* → *linzami* и *lugga* → *lunga* со вторичными геминатами на месте. Так как блуждающая назализация обычно связана с геминацией, важно отметить, что в семитских языках бывает и блуждающая геминация — переходящая с одного согласного в том же слове на другой; например, «верблюд» в арабском языке вообще без геминации — *ṣamal*, в ассиро-вавилонском с геминацией второго согласного (если он перед гласным) — *gammalu*, а в еврейском с геминацией третьего согласного, если он перед гласным, — *gīmdl*, мн. ч. *gəmallim*; сирийский язык вместо ожидаемых **ne'oll* «вступит», мн. ч. **ne'ollun*, имеет *ne'ol* и *ne'lun*.

⁶ F. d'Ovidio e W. Meyer-Lübke. Grammatica storica della lingua italiana e dei dialetti italiani. Milano, 1919, с. 122.

⁷ В. И. Чернышев. Удлинение звуков *т* и *д* в русском языке (Сб. в честь на проф. Л. Милетича. София, 1933, с. 180).

⁸ C. Brockelmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd I, Berlin, 1908 (особая глава «Dissimilation der Geminaten», с. 243—246). Специальное исследование: R. Růžicka. Konsonantische Dissimilation in den semitischen Sprachen (Beiträge zur Assyriologie, Bd IV, Hf. 4). Leipzig, 1909 ^{13*}.

Приведу еще любопытный пример, соединяющий блуждающую геминацию с блуждающей назализацией: палестинско-арабское *xlund* «крот» вместо общеарабского *xuld* (объяснить здесь *-nd* можно лишь из предшествовавшей ступени **-dd*).

Ознакомимся с другой областью, где блуждающая назализация (вместе с другими аналогичными явлениями) представлена более чем богато. Это — картвельские языки: мегрельский и чанский, близко родственные грузинскому. Здесь очень часто встречается «нарастание *n* на согласных после гласных» (чанский язык) и «вставляются преимущественно *n* и *r*...; особенно бросаются в глаза вставки в заимствованных словах» (мегрельский язык)⁹.

Я уже указывал на то обстоятельство, что заимствованные слова особенно поучительны для работы над интересующими нас вопросами. Приведем, по Кипшидзе, примеры заимствованных слов с упомянутыми «вставками» *n* и *r* (перед губными согласными вместо *n* появляется однородное им *m*)^{14*}:

груз.	<i>akvani</i>	→ мегр. <i>arkvani</i>	«люлька»
	<i>atasi</i>	→ <i>antasi</i>	«тысяча»
	<i>č ka</i>	→ <i>čirka</i>	«стакан»
	<i>imndi</i>	→ <i>im ndi</i>	«надежда»
	<i>ka^rari</i>	→ <i>ka(m)ari</i>	«каперсы»
	<i>magari</i>	→ <i>mangari</i>	«крепкий»
	<i>oboli</i>	→ <i>omboli</i>	«сирота»
	<i>šakari</i>	→ <i>šankari</i>	«сахар»
	<i>ž^ri</i>	→ <i>žampi</i>	«тутовое дерево»
русс.	<i>акация</i>	→ <i>lakancia</i>	(лишнее <i>l</i> -)
	<i>вода</i>	→ <i>ontka</i>	(без <i>v</i> -)
	<i>пол</i>	→ <i>proli</i>	(из <i>*porli</i> ?)

Из приведенных примеров некоторые заслуживают особых замечаний. Примеры *arkvani* и *ontka* могут возбудить сомнение в интервокальной позиции согласного, перед которым наблюдается «нараст», но тут нужно учесть, что в картвельских языках сочетания типа *kv* или *tk* могут рассматриваться принципиально как цельные фонемы¹⁰. Пример *žari* ~ *žampi* «тутовое дерево» имеет еще замечательный вариант *nžari*; подобное выступление «неорганического» или «вставочного» согласного к началу слова в мегрельском языке не редкость и является частным случаем общей особенности мегрельской фонетики — необычайной склонности к перестановке звуков.

4. Заключение

Факты, которые прошли перед нами, показывают с несомненностью общий фонетический процесс широкого мирового распространения. Особенности, свойственные каждой группе языков или даже каждому отдельному языку, не должны умалять общность изучаемых нами явлений.

⁹ Н. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1910, с. 4, 7, 19, 20, 71, 164, 172; И. Кипшидзе. Дополнительные сведения о чанском языке. СПб., 1911, с. 2; И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914, с. 07, 125, 274, 285, 301; Н. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925, с. 010; И. И. Мещанинов. Пособие к пользованию яфетидологическими работами. Л., 1931, с. 21; И. В. Мегрелидзе. Лазский и мегрельский слои в гурийском. Л., 1938, с. 79, 97.

¹⁰ См. мою статью «Фонетические параллели африканских и яфетических языков» (сб. Africana, т. I, с. 36).

Если одни языки допускают лишь блуждающий носовой, а другие языки — также *г* или какой-нибудь сонорный согласный, если одни языки удлинняют и раздваивают только какие-нибудь определенные согласные, а другие языки трактуют подобным образом любые согласные независимо от места и способа образования, если, наконец, в одних языках и случаях имеются свободно обмениваемые варианты того же слова (с блуждающим сонорным или без него), а в других языках и случаях тот или иной вариант не уцелел, — все это частности, которые относимы за счет специфики языка или случая.

Прежде всего следует обратить внимание на самый принцип блуждания, приводящего к спорадическим явлениям (в противоположность регулярным явлениям). В общем можно сказать, что ассимилятивные процессы обычно регулярны и дают повод к установлению фонетических законов, тогда как диссимилятивные процессы обычно спорадичны и учитываются как исключения, отклонения, единичные случаи. Конечно, нельзя отрицать возможность спорадической ассимиляции, как нельзя отрицать возможность регулярной диссимиляции¹¹, но важнее будет то, что оказывается наиболее типичным, наиболее общераспространенным. Вот и блуждание, которое свойственно во многих языках носовым или вообще сонорным согласным, относится к процессам диссимилятивного характера — чаще всего по линии диссимиляции геминатов (удвоенных или удлинненных согласных). Вообще говоря, блужданием мы можем назвать этот процесс потому, что некоторый согласный то появляется, то исчезает в том же самом слове (вроде блуждающих огоньков на бортах и кладбищах), но способность какого-нибудь речевого элемента блуждать в только что описанном смысле дает этому элементу возможность блуждать еще и в другом смысле — скитаться с места на место в том же слове. Выше приводились примеры блуждающей геминации в семитских языках (*gammalu* // *gəmall-*, *ne'oll* → *ne'ol*); здесь блуждание свойственно не звуку (фонеме), а длительности звука (дуреме¹²), но может блуждать и какая-нибудь из работ, входящих в артикуляцию фонемы, т. е., по терминологии И. А. Бодуэна де Куртене^{13*}, — кинема¹³.

Как явствует из приведенных примеров, наиболее частыми блуждающими являются носовые согласные, но в некоторых языках с ними конкурирует *г*. В этом нет ничего удивительного, так как *п* и *г* нередко обмениваются между собой; особенно это заметно в семитских языках¹⁴.

¹¹ Например, трактовка заимствований в русском просторечии показывает несколько случаев спорадической ассимиляции, как *бумага* → *гумага*, *колета* → *коклета*, *серьезный* [ʃi'ɾjoznɐj] → *сурьезный* [sv'ɾjoznɐj], и множество случаев регулярной диссимиляции по линии *р ... р* → *л ... л* (как *лыцарь*, *кульер*, *дилектор*...) и по линии «*м* + губной» «*н* + губной» (как *бомба*, *ланпа*, *транвай*...).

¹² Поясним, что спутники звука — длительность, сила и тон — могут изучаться и в общем комплексе фонетических явлений и в отдельности; в последнем случае можно говорить об особых отделах фонетики — дуретике, динаметике и тонетике — с особыми самостоятельными единицами — дуремой, динамемой и тонемой.

¹³ Так, корневые варианты семитского глагола «смеяться» допускают четыре возможности блуждания кинемы, отличающей так называемые эмфатические или дебелие согласные семитских языков от остальных — простых согласных;

1) первый и последний корневые эмфатические: евр. *šāḥaq*;

2) первый эмфатический, последний простой: араб. *ḡaḥika*;

3) первый простой, последний эмфатический: эфиоп. *šaḥaqa*, евр. *šāḥaq*;

4) первый и последний корневые простые: араб. *gāḥex* // *dāḥex*.

¹⁴ Например, «сын» — араб. *ibn*, евр. *ben*, араб. *bar*; «два» — араб. *ibnayn*, евр. *šənanayim*, араб. *tarən*; «гнаться» — евр. *gāḥar* // араб. *gāhan*, а также евр. *kn' ~ kr'*; «восток» — евр. *mizrāḥ* // араб. *maḡribā*.

Теперь перейдем к связи между блуждающей назализацией и геминацией. В индоевропейских и семитских языках эта связь очевидна и несомненна; в хауса — порой заметна, порой незаметна; в картвельских языках, коим геминация вообще чужда, искомая связь, разумеется, незаметна.

С физиологической стороны геминация содержит в себе противоречие, которое при благоприятных для того условиях ведет к дальнейшему развитию — переходу количества в качество. Дело в том, что геминат — удлинненный или удвоенный согласный, как мы привыкли его называть, — является одной фонемой, хотя бы и обозначался на письме двумя буквами, но интервокальный геминат принадлежит двум слогам, кончая предыдущий и начиная последующий (*atta*), а поэтому равносильен двум фонемам. Таким образом, по мысли, высказывавшейся еще акад. Н. Я. Марром в одной его ранней работе¹⁵, удвоение ведет к раздвоению. Кстати, если слово в своей обычной (словарной) форме имеет геминат не в интервокальной позиции, приходится считаться с возможностью необозначения на письме сверхкраткого гласного (ə) или с возможностью чередования позиций; так, амхарские случаи типа *ɰādd* → *ɰānd* вовсе не противоречат требованию интервокальной позиции, ибо вполне обычно также произношение *ɰānda*, и, кроме того, часто встречаются формы с различными суффиксами: *ɰāndu*, *ɰāndax*, *ɰāndaš*... К физиологической стороне дела относится также вопрос о качестве согласных — исконного и новополученного. Оказывается, что в большинстве случаев удвоение шумного согласного развивается в сочетании «сонорный + шумный», а удвоение сонорного согласного может дать и такое сочетание и сочетание «сонорный + сонорный», но в обоих случаях меняется последняя часть гемината, а не первая, как это типично для шумного гемината; например, в казахском языке стечение *мм* → *мб*, *нн* → *нд*, *лл* → *лд*.

Нужно иметь в виду, что в каждом языке есть известный запас допустимых сочетаний, вне которого чужое или новое сочетание усваивается с трудом или вообще недопустимо. Так, в семитских языках допустимо сочетание *-gn-*, но вообще не встречается обратное сочетание *-nr-*. Поэтому немудрено, что и *rr* → *rn* (например, «голень» — араб. *kurāʿ* // эфиоп. *kʾrñāʿ* из **kurrāʿ*) и *nn* → *rn* с нарушением обычного порядка раздвоения сонорного гемината (например, «шапка, колпак» — франц. *bonnet*, итал. *bonetto* → араб. *burnayṭa*). В хауса диссимилиация *ll*, *mm*, *nn*, *rr* мне неизвестна.

Наблюдаемая в хауса диссимилиация полугласного гемината *yy* → *ny*, например, *taɣya* → *taɳya* «помогать», представляет очень редкий вид диссимилиации геминатов, но она встречается в одном из арабских диалектов, именно в дасинском (Ю. Аравия). например, *hinɣām* «дни» из **ayyām*, *hinɣāk* «тебя» из **iyuākā*. В большинстве же языков и диалектов йотное скопление разделяется тем, что его начало входит в состав дифтонга, как в немецком языке *zweijährig* [tsvajje:riç] «двухлетний», *Neujahr* [noija:r] «новый год».

В языках, использующих геминацию как грамматическое средство, диссимилиация геминатов допускается лишь в случаях, отбившихся по своему значению от продуктивных типов или относящихся к непродуктивным типам. Так, в хауса мы не находим блуждающей назализации

¹⁵ Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитскими (Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка. СПб., 1908, с. 2, сноска = Избранные работы, т. I, с. 24, сноска).

ни в типе причастия страдательного залога, например, *bugagge* «битый» от *buga* «бить», ни в типе двусложного множественного числа имен с высоким падающим тоном первого слога, например, *tuddā* [ˈt̪ɪ̌.ɔ̌] «холмы» от *tudu* «холм»; стало быть, нет форм вроде **bugange* или **tunda* в смысле указанных типов. В арабском языке интенсив-итератив (тип *qattala*) допускает диссимиляцию гемината только в случаях, отбившихся по значению, например, *ḡammara* → *ḡamhara* «собрал», *ḡaqqā'a* → *ḡarqā'a* «щелкал пальцами»; имя профессии, оно же прилагательное усилительное (тип *qattāl*) не допускает диссимиляции, например, *ṣaqqāl* «полировщик», *ḡaḡḡāk* «смехач», но менее ходкие усилительные типы охотно допускают диссимиляцию, например, *ḡurrūḡ* → *ḡurnūḡ* «навозный жук», *'urudd* → *'urund* «жесткий».

В тех случаях, где блуждающая назализация или аналогичное явление встречается без варианта с геминацией, можно думать об утрате былой геминации, но можно искать и других путей развития, нежели диссимиляция геминатов. Так, в грузинском, где свое ударение едва заметно, сильное ударение других языков, сопровождаемое долготой или полудолготой гласного, нередко воспринимается как усиление гласного добавочным *r* (по крайней мере перед переднеязычным шумным согласным), например, араб. *ḡāṣiya* «кайма» → груз. *aršia*, русск. *хлопѳт* → груз. *xlaport* «хлопоты»¹⁶. В хауса, где геминация в общем существует и бывает семантической, например, *ḡani* «ладан»/ḡanḡni «рука», вернее всего исходить из геминации, но там, где она не вносит смыслового изменения.

Что касается имени качества и отыменных глаголов хауса, здесь уместно вспомнить явление, хорошо нам известное из русского языка: когда иностранное слово кончается на гласный и несклоняемо, мы образуем от него новые слова не простой прибавкой суффикса, а спайкой основы с суффиксом посредством какого-нибудь заполнителя (морфологической пустышки), например, *пальто* → *пальтовщица*, *кино* → *киношник* (любитель кино). В этом отношении любопытно использование в живой речи формы *лотошник* (правописное *лоточник*) и для торговца с лотка и для любителя играть в лото. Таким же образом и в хауса основы, кончающиеся гласным, могут воспользоваться каким-нибудь заполнителем, принимая суффиксы *-ta*, *-taka*, *-ci*; чаще всего заполнителем является *n*, т. е. самый ходкий служебный согласный хауса, он же нередко результат блуждающей назализации, но иногда также *i* (неслоговое), например, *tsawo* «длина» → *tsawata* «быть длинным; удлинять», как *daidai* «правильность» → *daidaita* «быть правильным; исправлять».

Оставшаяся без объяснений пара *yamyat* → *nyamnyam* «людоед» находится в точно такой же форме и с таким же значением в амхарском языке¹⁷.

По-видимому, в этом случае первоначальной формой является носовая (сравните *нямням* в так называемом детском языке). Возможно, что мы

¹⁶ См.: Н. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925. с. 010.

¹⁷ J. Baeteman. Dictionnaire amarigna-français suivi d'un vocabulaire français-amarigna. Dire Daoua, 1929, col. 542: «*የሃሃየ* (*yamyat* ou *nyamnyam*) 1° nom d'une région du Soudan dont les habitants seraient (ou auraient été) anthropophages; 2° anthropophage».

имеем дело с племенным названием *Нуампуат*, родственным ходкому в Африке корню со значением «животное» (*inyata* в банту), «мясо» (*пата* в хауса), «кушать» (*пуата* в фуль). Если это так, то *Уатуат* — диссимилированный вариант от *Нуампуат* или соответствующая маскировка вроде табу.

II. ЗАКОНЫ ПЕРМУТАЦИИ СОГЛАСНЫХ В НИВХСКОМ (ГИЛЯЦКОМ) ЯЗЫКЕ И НЕКОТОРЫХ АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКАХ (ФУЛЬ И СУТО-ЧУАНА)

1. Схождения в чередовании согласных

Столь отдаленные друг от друга языки, как нивхский (гиляцкий) из палеоазиатских, фуль^{16*} из бантоидных и группы суто-чуана из юго-восточного сектора банту^{17*}, проявляют поразительные схождения между собой в чередовании согласных, что может быть продемонстрировано сравнительной таблицей:

Нивхский	Фуль	Суту-чуана
$f \sim ph$	$f \sim p$	$f \sim ph$
$v \sim p$	$w \sim b$	$v \sim cp$
$\zeta \sim th$	$s \sim t'$	$s \sim ch$
$r \sim t$	$y \sim d'$	$\check{s} \sim \check{ch}$
$s \sim t'h$	$x \sim k$	$r \sim th$
$z \sim t'$	$*\gamma \sim g$	$l \sim t$
$x \sim kh$		$x \sim kh$
$\gamma \sim k$		$*\gamma \sim k$

Буквой *h* отмечена придыхательность согласных. Часть пар не введена в таблицу как материал, несущественный для сравнения: язычковые $\dot{x} \sim qh$, $\dot{\gamma} \sim q$ нивхского языка; шумно-боковые $l \sim tlh$ языков суто-чуана и т. д. Среднеязычные согласные, отмеченные значком $\check{}$, производят впечатление шипящих и нередко обозначаются как таковые ($t' = \check{c}$, $d' = \check{z}$), глухое нивхское ζ похоже на $\check{z}$, да и в звонком нивхском *г* слышится призвук $\check{z}$.

Следует упомянуть, что в нивхском языке произношение разнится по диалектам, причем звукам *v*, *s*, *z* амурского диалекта, положенного в основу литературного нивхского языка, соответствуют звуки *w*, $\check{s}$, $\check{z}$ сахалинского диалекта. В языках суто-чуана *f*, *v* суть губно-губные [ф, β].

При сравнении приведенного материала следует заметить, что в нивхском и суто-чуана глухие длительные чередуются с придыхательными глухими мгновенными, а звонкие длительные — с непридыхательными глухими мгновенными. Фуль не проводит различия между придыхательными и непридыхательными, но для сравнения его с нивхским дополнительно сообщим, что в контакте с предыдущим носовым согласным нивхские глухие озвончаются, причем непридыхательные *p*, *t*, *t'*, *k*, *q* изменяются вполне явственно в звонкие *b*, *d*, *d'*, *g*, $\check{g}$, тогда как придыхательные *ph*, *th*, *t'h*, *kh*, *qh* могут озвончаться лишь частично, не переходя в ясно выраженные звонкие. Бывшее $*\gamma$ представлено нулем звука или заменами — *w*, *y*. Внимательный наблюдатель заметит одну неясность в суто-чуана: $r \sim th$. Если *r* звонкий длительный (а это так), то оно должно чередоваться с непридыхательным *t*; с последним, однако, чередуется другой звонкий длительный — $\check{t}$. Дело в том, что языки суто-чуана не-

обычайно податливы на ротацизм; прежнее *th*, если оно не было защищено предыдущим согласным, превращалось в *r*, например **thatho* «три» в свободной позиции → *raro*, а в контакте с предыдущим согласным → *tharo*. Вот это-то чередование *r* → *th* вошло в таблицу наряду с другими, внешне аналогичными чередованиями, но в остальных парах мы имеем мгновенный как результат пермутации (превращения) длительного, а в паре *r* ~ *th* наоборот — мгновенный является исконным. Что касается пары *l* ~ *t*, она вполне нормальна, так как в юго-восточном секторе языков банту фонема *l* исконна, тогда как фонема *r* либо результат ротацизма, либо вносится в составе заимствований из других языков.

2. Функции чередований в сравниваемых языках

Рассмотрим, с какими грамматическими явлениями связаны чередования в привлеченных языках, и приведем примеры, иллюстрирующие изучаемое.

В нивхском языке переходные глаголы начинаются длительным согласным, а непереходные мгновенным, например, *vəkdz'* «потерять», а *pəkdz'* «потеряться, пропасть». Имена в большинстве случаев начинаются мгновенным, но после определения, если оно кончается не длительным и не носовым, мгновенный заменяется длительным; переходный глагол не меняет своего длительного начала после подлежащего, но меняет на мгновенное начало после прямого дополнения, если оно кончается не мгновенным и не гласным.

Примеры:

<i>pəŋx</i>	«суп»	<i>vəkdz'</i>	«потерять»
<i>t'xəf-pəŋx</i>	«суп из медведя»	<i>t'həf-pəkdz'</i>	«потерять точило»
<i>həŋk-vəŋx</i>	«суп из зайца»	<i>mot-vəkdz'</i>	«потерять подушку»
<i>t'ho-vəŋx</i>	«суп из рыбы»	<i>t'aqo-vəkdz'</i>	«потерять нож»
<i>eŋa(ŋ)-bəŋx</i>	«суп из коровы»	<i>nir(ŋ)bəkdz'</i>	«потерять чашку»

Как видим из примеров, чередования происходят преимущественно в комплексах, составляющих особенность строя таких языков, к которым принадлежит нивхский, именно — в определительных и дополнительных комплексах, причем определение предшествует определяемому, а дополнение предшествует дополняемому. Теперь рассмотрим чередования согласных в предложениях, составленных из слов: *qan* «собака», *t'hi* «ты» (→ *t'h* «твой»), *ni* «я» (→ *n* «мой»), *t'harj(d')* «белый», *rud'* «преследовать». Имеем *qan rud'* «собака преследовала»; *qan qan-thud'* «собака собаку преследовала»; *t'h-xan n'-sarj-gan-thud'* «твоя собака мою белую собаку преследовала».

Следует заметить, что небольшое число имен начинается с длительного согласного и не меняет своего начала, нарушая таким образом столь своеобразные принципы нивхского языка; это — частью заимствованные слова, например, *seta* «сахар», *xaza* «ножницы», частью отдифференцированные варианты, например, *raf* «домик для покойника, который ставят на родовом кладбище, после сожжения умершего сородича» при *taf* «дом» (сахалинский диалект), частью случаи, еще требующие разъяснения. Вообще же мгновенное начало имени распространено на многие заимствования, например «шаман» — *t'hama(n)* при нанайском *saman* и эвенкийском *samān*.

Насколько глубоко пронизан строй нивхского языка закономерными чередованиями согласных, привлечшими наше внимание, показывает то обстоятельство, что чередованию подвергаются и начальные согласные

суффиксов, например:

Мн. число		Направит. падеж		Вопросиг. частица	
<i>mi-yi</i>	«лодки»	<i>mi-rox</i>	«к лодке»	<i>mi-ya</i>	«лодка ли?»
<i>pa-x-ki</i>	«камни»	<i>pa-x-tox</i>	«к камню»	<i>pa-x-qa</i>	«камень ли?»
<i>qa-n-gu</i>	«собаки»	<i>qa-n-dox</i>	«к собаке»	<i>qa-n-qa</i>	«собака ли?»

В языке фуль чередование согласных в начале слова противопоставляет единственное число множественному (как в имени, так и в глаголе, например, *fande* «горшок» // *pande* «горшки», *fi'a* «стреляй!» // *pi'p* «стреляйте!»). Однако у большинства имен различение чисел производится окончаниями, и на долю чередования согласных выпадает лишь второстепенная, подсобная функция — предупреждать об окончании, например, самоназвание народности фуль в единственном числе *Pulo*, а во множественном числе *Ful'be*; у глаголов же, кроме повелительного наклонения, различение чисел производится местоимениями, например: *gor-ko on o yexi* «человек этот он пошел», т. е. «этот человек пошел»; *wor-be 'ben 'ben d'exi* «люди эти они пошли», т. е. «эти люди пошли»¹⁸. Чередование согласных в фуль воспроизводится и в повторе, который является одним из ходовых грамматических средств, например, *pipi'do* «стрелок», мн. ч. *fifi'be*; *t'añtañ'do* «ткач», мн. ч. *sañsañ'be*; *bumbum'do* «слепой», мн. ч. *wiwum'be*. Есть заметная тенденция к гармонизации чередований — к своего рода гармонии согласных, например, *xofri* «колени», мн. ч. *kopi*; *mi safsaf* «я разрыхляю (землю)» // *mən t'ap'tapta* «мы разрыхляем».

Строгость чередования согласных в фуль не во всех диалектах одинакова: кое-где, например, отмирает чередование *s ~ t'*. Заимствования обычно подвергаются чередованиям, например, *kefero* «неверный», мн. ч. *xef'er'be* (из араб. *kāfir*); *basali* «лук», единичное *wasalde* «луковица» (из араб. *baṣl*). Некоторые новообразования не подчиняются чередованиям, например, от *xolsere yeso* «передняя лапа» (букв. «лапа лица») образуется мн. ч. *kolt'e yesod'e* «передние лапы», где нельзя ни оставить *yeso* без изменения (прилагательное должно согласоваться!), ни взять его мн. ч. *gese*; *sauri* «палка», уменьшительное *t'abel* «палочка» (*saw ~ t'ab*).

В группе языков суто-чуана чередование согласных сопровождается противоположением единственного и множественного чисел имен, например, чуана *lofafa* «перо», мн. ч. *liphafa*; педу *levaka* «время», мн. ч. *lipaka*; суто *seatla se sesweu* «белая рука» (букв. «рука, которая бела»), мн. ч. *diatla ce cwheu*¹⁹. Кроме того, чередование сопровождается противоположением глагола и отглагольного имени, а также глагола с дополнением «меня» или «себя» и глагола без дополнения или с другим дополнением, например, педу *šara* «бичевать» → *oa nšara* «он меня бичует», *o a išara* «он себя бичует», *šhara* «бичевание».

Следует заметить, что не весь запас согласных сравниваемых языков участвует в чередованиях. В нивхском чередуются все шумные согласные, кроме *h*; при этом не забудем, что нивхское *r* принадлежит скорее к шум-

¹⁸ Следует пояснить, что «человек» выражается основой **ʔor*, которая по исчезновении фонемы *ʔ* приобрела начало *w-* в связи с губным округлением гласного, но до исчезновения *ʔ* приобрела осмысленный вариант *g-*. Подобным образом основа **ʔi* «видеть» представлена в *mi yi'i* «я видел» // *meŋ gi'i* «мы увидели», приобретая начало *i* в связи с гласным *i*. Итак, **ʔor* → *wor ~ gor*, **ʔi* → *yi ~ gi*.

¹⁹ Приходится оговориться, что написание *cw*h (в моем источнике даже *tswh*) выражает одну цельную фонему: придыхательный лабиализованный свистящий аффрикат (в аналитическом алфавите акад. Н. Я. Марра цельное написание: *ϕ*).

ным, чем к сонорным, так как сопровождается шипящим шумом типа ʃ (можно сравнить с чешским ř). В языке фуль чередуются все шумные согласные, кроме 'b , 'd , t ; из сонорных чередуются r , которое, возможно, было раньше шумным. То, что в одних фульских диалектах может быть обозначено посредством x , в других диалектах звучит h , но это не влияет на чередование $\text{x} \sim \text{k}$, которое становится тогда $\text{h} \sim \text{k}$. Суто-чуана чередует все шумные, кроме s (ts), так как фонемы z нет, а из сонорных l , r (о последнем мы уже говорили в связи с ротанизмом). Иногда мы не знаем, почему данный согласный не участвует в чередованиях, тогда как другие аналогичные ему согласные участвуют; так, в языке фуль вообще вне чередований находится t , тогда как p , k , b , d , g чередуются. Заслуживает внимания разность трактовки l : оно не чередуется ни в нивхском, ни в фуль, но чередуется в суто-чуана. На этом мы закончим рассмотрение функций, носимых чередованиями. Дальнейшие детали и примеры можно найти в специальной литературе²⁰.

3. Фонетическая сторона явления

Что касается пермутации, наблюдаемой в языках банту и так называемых бантоидных, суть дела, с фонетической стороны, заключается в следующем: сонорные согласные, которые совмещают одновременно две противоположности — смычку, задерживающую выход воздуха, и открытый канал, свободно пропускающий воздух, не являются по существу ни чисто мгновенными (несмотря на смычку!), ни чисто длительными (несмотря на открытый канал!), но являются, если можно так противоречиво выразиться, мгновенно-длительными. Это приводит к тому, что размычка сонорных согласных типа n и l может запаздывать, несколько не вредя их слитности. Запаздывающая размычка может осуществляться в виде шумного смычного того же органа, например, в немецком: *Triumpf* → *Triumpf*, *Mensch* → *Mentsch*; в русском: *Фомин сын* → *Фоминцын* (по В. А. Богородицкому)^{18*}. И так во многих языках. То, что в одних языках встречается лишь спорадически и не является обязательным, а иногда даже считается предосудительным, в других языках может сделаться правилом. Так, в идиш указанное выше явление позволило сформулировать правило: «Если l или n стоит в ударном слове перед z , ʒ , s и ʃ , то сибилант нужно произносить аффрицировано: z становится dz , ʒ становится dʒ , s становится c , ʃ становится č »²¹. Немецким *unser, Fenster, Mensch, Felsen, falsch* соответствуют в идиш по транскрипции *Birnbaum'a: ʔndzər, fenc̣tər, menč, feldzn, fałč...*

²⁰ Для нивхского языка: Языки и письменность народов Севера, ч. III, с. 181—222. Е. А. Крейнович. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка с приложением статьи Т. Р. Зиндера и М. И. Матусевич «Экспериментальное исследование фонем нивхского языка». Л., 1937.

Для языка фуль: C. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912, с. 31—57. A. Kling-nheben. Die Laute des Ful. Berlin, 1927.

Для языков суто-чуана: A. N. Tucker. The comparative phonetics of the Suto-Chuana group of Bantu languages. London, 1929. (Моя рецензия в сб. «Africana», т. I, с. 106—109).

²¹ S. Birnbaum. Praktische Grammatik der jiddischen Sprache (Hartleben's Bibliothek der Sprachkunde, № 128), с. 123. В тексте ошибочно «palatalisiert» вместо «affriziert», но множество примеров подтверждает последнее. Идиш советских евреев следует указанному правилу не очень строго, но в основном следует.

В мордовском языке аналогичное явление вполне регулярно для *s* после *l*, *n*, *г*, например, *сало-сь* ~ *сализь* «соль», *вакано-сь* ~ *ваканць* «чашка», *каре-сь* ~ *карьць* «лапоть» ²².

К сказанному надлежит добавить, что по всему миру распространены такие переходы, как *ml* → *mbl*, *mr* → *mbr*, *nl* → *ndl*, *nr* → *ndr* (последний переход известен и в русском просторечии, например, *нрав* → *ндрав*). Таким образом общий ход пермутации становится яснее: мы имеем широко распространенные аналогии для чередований не только между шумными согласными, как *f* ~ *p*, *š* ~ *č* и т. д., но и между сонорным и шумным, как *l* ~ *d* или *r* ~ *d*. Остается выяснить, почему в одних случаях пермутация дает аффрикаты, а в других случаях — смычные без заметной аффрикации, так сказать, чистые: почему сонорные, вызвавшие пермутацию, так легко исчезают и во всех ли случаях пермутация вызвана сонорными; наконец, почему в нивхском и суто-чуана глухость и звонкость длительных отражается в придыхательности и непридыхательности мгновенных.

Относительно аффрикатов ^{19*} заметим, что они — те же смычные, но с замедленным и скользящим размыканием, т. е. вместо простого и четкого взрыва получается сдвиг смычки в щель, через которую на короткое время пропускается ток выдыхаемого воздуха. К этому нелишне прибавить, что первым компонентом аффриката бывает лишь такой смычный, который не встречается без аффриката: губно-зубные смычные в *pf*, *bv*; особые, если можно так выразиться, сибилантофильные переднеязычные смычки в *ts*, *dz*, *tš*, *dž* (= *c*, *z*, *č*, *ž*); какие-то особые смычные в редких по встречаемости заднеязычных аффрикатах. Отсюда получается известное раздвоение и при пермутации: когда длительный согласный обеспечивает удобное место для смычки, получается простой смычный (губно-губные щелевые *ф*, *β*; опущенные разновидности *г*; среднеязычные щелевые *х*, *γ* и их более продвинутые заднеязычные щелевые *х*, *γ*); когда длительный согласный не дает удобного места для смычки, получается аффрикат (губно-зубные щелевые *ф*, *в*; сибиланты переднеязычного района *s*, *z*, *š*, *ž*; шумно-боковые *л*, *л̃*; крайние типы заднеязычных щелевых *х*, *γ* и т. д.). Нужно только учитывать, что нынешние звуки не всегда совпадают со звуками той эпохи, когда происходила в данном языке пермутация. Иногда диалекты показывают, из каких звуков нужно исходить при объяснении пермутации: выше сообщалось, что сахалинские нивхи произносят *ш*, *ś*, *ž* на месте *в*, *s*, *z* амурских нивхов; это типологически поддерживает предположение С. Meinhof'a (Hamiten, с. 35) о том, что в фуль прежде произносилось не *s*, а *ś*, но не поддерживает А. Klingenberg'a (Laute, с. 88), который не решается принять это предположение. Ведь получив *t'*, *d'* из *s*, *z* невозможно, а *ś*, *ž* одинаково хорошо подходят к пермутационным парам и нивхского языка и языка фуль. Где есть пары *f* ~ *p*, *v* ~ *b*, можно смело сказать, что исходное произношение *f*, *v* было губно-губным ^{20*}.

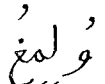
Кроме того, между простыми смычными и аффрикатами есть промежуточный тип — аффрицированные смычные. Таковыми оказались при экспериментальном исследовании нивхские *t'*, *d'*, *k*, *g*, *q* (Зиндер и Матусевич, с. 113).

На вопрос, почему так легко исчезают сонорные, вызвавшие пермутацию, можно в общем ответить, что пермутация есть один из путей пере-

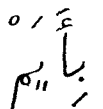
²² М. Е. Евсеев. Основы мордовской грамматики. Изд- 2-е. М., 1931, с. 46, 128, 147, 166.

дачи функции отмирающей морфемы остающимся морфемам ^{21*}. Подобно тому, как в немецком языке противоположение единственного числа *Vater*, *Tochter*, *Mutter* множественному числу *Väter*, *Töchter*, *Mütter* осуществляется через палатализацию гласных (*a, o, u* → *ä, ö, ü*), вызванную когда-то отпавшим окончанием *-i*; подобно тому, как в туарегском языке ^{22*} противоположение мужского рода *amašeq* «туарег», *abarad* «молодой человек» женскому роду *tamašeq* «женщина или язык туарегов», *tabaraṭ* «девушка» осуществляется не через очевидный конфикс (префикс и суффикс сразу) *t...t*, как в случаях *amɣar* «старик» / *tamɣart* «старуха», *awagqas* «лев» / *tawagqast* «львица» и т. д., но через префикс *t-* и мену звонкого дебелого согласного на глухой, вызванную отпавшим суффиксом *-t* (раньше было, как подсказывает система, **t-amašeq-t*, **t-abarad-t*); таким же образом морфемы в виде кратких префиксов, содержавших носовые согласные или *l*, постепенно стираются, проходя ряд этапов: 1) утрата гласного и принятие слоговой функции сонорным согласным, например *mi* → *m̥*, *li* → *l̥*; 2) утрата слоговой функции и ассимиляция последующему согласному по органу, например *md* → *nd*, *nb* → *mb* (у звуков типа *l* это маловероятно); 3) отпадение сонорного, облегчаемое оглушением перед глухим согласным (например *mp* → *m̥p* → *p*), за ненадобностью элемента, уже передавшего свою семантическую функцию первому согласному основы путем его пермутации. К сказанному полезно добавить некоторые уточнения. Во многих африканских языках носовые согласные могут быть другого органа, чем последующий носовой согласный, только при слоговой функции носового, например, суахили *m̥thu* «человек» из *muthu*,

еще воспроизводимого в арабском написании (), при утрате слоговой функции носовой согласный ассимилируется последующему неносовому по органу и обычно также по способу образования, отчего возникают так называемые полуносовые согласные — цельные фонемы, в начале произношения которых на короткое время приподнята нёбная занавеска. В латинском написании, автором которого является почти всегда европеец, обычно миссионер, носовой форшлаг полуносового согласного изображается особой буквой носового согласного: *mb*, *nd*, *ṅd*, *n'd'*, *ŋg*... В арабском же написании, которое вырабатывается не иностранцами (в частности — не мусульманскими миссионерами, несущими своей пастве арабский Коран и игнорирующими местные языки), а самими туземцами, носовой форшлаг ничем не выражается, как равно и лабиализация (у европейцев *w* — после буквы согласного: *kw*, *gw*, *ɣw*...); в этом принципе сходятся никогда не соприкасавшиеся между собою общества — суахили в Восточной Африке ^{23*} и фуль в Западной Африке. Суахили пишет, например, слово «мир, свет» латинскими буквами как

luimwengu, а арабскими буквами , т. е. как бы «*wulimiɣu*», фуль

пишет, например, «скажи мне!» латинскими буквами как *mbi'ayam*,

а арабскими — , т. е. как бы *bi'ayam*.

Отпадение оглушенного сонорного может оставлять после себя след: придыхательность глухого согласного, вызвавшего оглушение, напри-

мер, суахили **muntu* → *muthu* → *mthu* «человек», **nipaka* → **m̥paka* → *phaka* «кошка». И здесь семантическая функция отмирающего элемента живет в переносе на другой элемент.

Развитие неравномерно, и разные диалекты того же языка могут отражать разные этапы развития, да, кроме того, в пределах самого диалекта или языка приходится считаться с архаизмами и неологизмами, составляющими «исключения» к «правилам». Так, в одном из диалектов языка фуль еще можно услышать глухие носовые, например *m̥put'u* «лошадь» при общефульском *putú*; в языках суто-чуана имя действия (отглагольное имя) сохраняет начальный носовой — остаток префикса, если основа односложна, но не сохраняет при двухсложности основы, например *neŋi fa* «давать» → *m̥pho* «даяние», но *viŋa* «звать» → *piŋo* «зов».

Пермутация после *l* не представляет трудности для объяснения, пока пермутируемыми согласными являются переднеязычные щелевые (*s, š, z, ž*). Здесь переход от артикуляции *l* к артикуляции другого типа запаздывает на короткий момент: боковые проходы уже устранены, но язычно-зубная или язычно-нёбная смычка еще держится, давая звук легкого *t* или *d*; получаются *lts, ltš, ldz, ldž* = *lc, lč, lž, lž*. Гораздо труднее было бы объяснить пермутацию губных и заднеязычных щелевых после *l*, т. е. переходы *lf* → *lp*, *lx* → *lk*. Подобная пермутация предполагается для языка фуль в тех случаях, когда классовый префикс оканчивается на *l*, а также когда сама основа слов оканчивается на *l*. Однако дело могло обстоять и иначе: в языке фуль очень часто наблюдается замена *l* носовым согласным в контакте с классовым суффиксом^{24*}, например, *duldu* ~ *duŋdu* «лес» из **dul-ru*; *soldu* ~ *sondu* «птица» из **sol-ru*, мн. ч. *t'oli*, уменьшительное *t'olel*²⁵; *d'auŋgal* «цесарка, мн. ч. *d'aule* (стало быть, основа *d'aul*; ед. ч. *d'auŋgal* из **d'aulyal*). С другой стороны, *l* изредка встречается в том же языке фуль перед щелевыми согласными и на них не воздействует, например, *Fulfulde* «язык фуль», *xolsere* «лапа». Отсюда можно сделать заключение, что *l* перед другим согласным превращалось в носовой того же органа; носовой-то и производил пермутацию. Причину такого же своеобразного звукоизменения можно усмотреть в том, что носовые согласные разнообразнее, чем боковые, и теснее примыкают к следующему за ними неносовому согласному, чем боковые; в качестве иллюстрации можно привести случай спорадической ассимиляции в современном арабском языке — *ambārāḥ* «вчера» вместо древнего *al-bāriḥa*, где определенный член *al-* перестал созвучиваться говорящими (переход от *m* к *b* несравненно легче и проще, чем от *l* к *b*). Различные сохранившиеся варианты в языке фуль позволяют примерно восстановить происходившие когда-то процессы; «берцовая кость», представленная в вариантах *korlal* и *korŋgal*, должна была звучать **korl-yal*, но в одном варианте исчезло **y* и сохранилось предшествующее ему *l*, а в другом варианте *l* сменилось на но-

²³ F. Storbeck в своем разговорнике Ful из серии «Metoula Sprachführer»²⁵, основанном на адамовском диалекте^{26*}, называет птицу систематически *solndu*, мн. ч. *sol*; форма *solndu* может быть принята лишь с полуносовым *nd*, так как три согласных подряд для фуль необычны, и может быть истолкована как переходная ступень от старого **lr* к новым *ld* ~ *nd*; форма *sol* вместо обычного *t'oli* объясняется утратой чередования *s* ~ *t'* в данном диалекте. С. Meinhof (Hamiten, с. 33) приводит *korŋ-gal* «берцовая кость» (с таким именно делением на морфемы) наряду с *korl-al*, мн. ч. *korl-e*; здесь тоже невозможное стечение согласных — возможно было бы лишь *korŋ-gal* с полуносовым. Там же на с. 34 Meinhof приводит *bernde*, *berne* «сердце» (у Storbeck'a лишь первая форма), которое опять-таки допустимо лишь с полуносовым^{27*}.

совой форшлаг *γ, пермутируя последнее в *g* (боковой форшлаг вообще невозможен, и стремление к компактной артикуляции неизбежно ведет к носовому форшлагу).

До сих пор объяснения касались главным образом пермутации в африканских языках, где на основании обширного и достаточно прозрачного материала выясняется, что пермутация вызывается сонорными согласными типа *n* и *l*. При этом упоминавшиеся языки — фуль и суто-чуана — проявляют пермутацию лишь при гоморганности носового с последующим неносовым. Другие языки Африки пермутируют и без гоморганности; так, на языке ваи (западносуданская группа манде)^{28*}, от *ʒa* «лицо» имеем *ʒa lo* «в лице», а от *kuɔ* «голова» *kuɔ do* «в голове». В подобных случаях, очевидно, играет роль не запаздывание одной артикуляции перед другой, а совместность обеих артикуляций в один и тот же момент; артикуляции *n* и *l* несовместимы, так как задняя часть языка при *n* должна быть в смычке с мягким нёбом, а при *l* бока языка должны образовать проходы, достаточно просторные, чтобы обеспечить сонорность *l*, артикуляции же *n* и *d* относительно совместимы, так как язык может одновременно образовать смычку спереди и сзади (обычная вещь в языках Южной Африки — двусмычные и щелкающие согласные²⁴), следовательно, смена артикуляций *ɲd* компактнее, чем смена *ɲl*.

Теперь перейдем к пермутации в нивхском языке. Здесь носовые согласные (кстати: без обязательной гоморганности) пермутируют последующий шумный длительный и звонкий мгновенный, но, как мы уже знаем, глухие длительные дают иной эффект, чем звонкие. В амурском диалекте часто отпадает окончание — *ɲ*, сохраняемое в сахалинском диалекте, но результат пермутации остается без изменения: вместо *eɣaɲ bəŋx* «суп из коровы» и *nirɔ-bəkzd'* «потерять чашку» остаются *eɣa-bəŋx* и *nir-bəkzd'*. Исчезновение носового нужно всегда иметь в виду, иначе получится много ничем не объяснимых «исключений»²⁵.

За изъятием некоторого числа имен, начинающихся на шумный длительный и не поддающихся пермутации, чередования согласных в комплексах и в суффиксах оказываются в зависимости от конца предыдущей морфемы: длительность сохраняется после мгновенных и гласных, например, *hək-vəŋx* «суп из зайца», *t'ho-vəŋx* «суп из рыбы», *mot-vəkzd'* «потерять подушку», *t'ago-vəkzd'* «потерять нож»; мгновенность без звонкости наступает после щелевых (длительных шумных), например, *txəf-rəŋx* «суп из медведя», *t'haf-pəkzd'* «потерять точило»; мгновенность со звонкостью, которая не выражается на письме в случае придыхательности, наступает после носовых, как уже говорилось. Утрата воздействовавшего окончания не меняет прежнего воздействия, например, *ŋi* «я» + *thu* «нарта» → *ŋ-ri* «моя нарта», *t'hi* «ты» + *thu* «нарта» → *t'h-ri* «твоя нарта», *if* «он» + *thu* «нарта» → *i-thu* «его нарта»; однако *t'h* — «твой» ~ «тебя» и *ph* «свой» ~ «себя» оглушают последующий звонкий, например *ŋ-zaqo* «мой нож», но *t'h-saqo* «твой нож» (последнее явление не относится к пермутации, так как меняется лишь характеристика по голосу).

²⁴ См. профили речевого аппарата в моей статье «Фонетические параллели африканских и яфетических языков» (сб. «Africana», т. I, М.— Л., 1937, с. 31 и 41).

²⁵ В конце слов *b* отмечен в трех словах: *kab* (собств. имя), *t'harb* «щелк», *qob* «поварешка». Л. Шренком²⁹ название поварешки записано как *qomb*. Л. Я. Штернбергом^{30*} название щелка записано как *t'harmp*... Следует напомнить, что в этих сочетаниях звук *b*, так же, как и другие звонкие смычные, появляется только под влиянием конечных сонантов. В словах *t'harb* и *qob* наличие *b* объясняется утраченным *m* [Е. А. Крейнович. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. М.— Л., 1937, с. 81].

Здесь мы подходим к трудной части нашего вопроса — к пермутациям под влиянием не сонорных, а шумных согласных, именно щелевых *f, ɣ, s, x, ɬ* (звонкие щелевые в конце не встречаются). Найти аналогии в других языках будет нелегко; мы несомненно имеем дело с очень редким явлением. Прежде всего перед нами процесс диссимилиативного характера: два звука, однородных по способу образования, становятся разнородными. В мордовских диалектах, по сообщению Д. В. Бубриха^{31*}, встречается такая диссимилиация, но лишь в области переднеязычных щелевых, например, от *вешемс* «искать» вместо *веш-са* «я поищу его» говорят и *веш-ца* ($\check{s} + s \rightarrow \check{s}c$). Сюда же <ли> относятся такие явления тюркских языков, как *башлар* → *баштар* «головы», *арыслан* → *арыстан* «лев», сказать трудно, так как переход *л* → *т* наблюдается там после весьма различных согласных, а не только после щелевых.

Похожим, но обратным по порядку явлением будет переход *xs* → *ks* для правописного *chs* в немецком, например, *Wachs* [vaks]. Вообще же диссимилиация по способу образования — вполне обычное явление — по-русски мы нередко <расподобляем> два следующих подряд смычных, превращая первый из них в щелевой, например, *кто* → *хто*, *когда* → *коүда*, *что* → *што*.

Нивхская пермутация, основанная на диссимилиации щелевых, имеет такой же практический смысл, как и африканские пермутации, основанные на ассимиляции весьма разнородных согласных, встретившихся на стыке морфем: приобретается компактность фонетики, потребная при возрастающей компактности морфологии. Дело в том, что соединение двух щелевых не дает такой компактности, как соединение щелевого со смычным; это особенно заметно в таких устойчивых (и хорошо испытанных в индоевропейских языках) соединениях, как *sp, st, sk*. Можно даже найти нечто общее между обеими пермутациями и в отношении длительности (количества) звука: какое-нибудь *mw* (два длительных согласных — —) превращается в *mb* (либо длительный с мгновенным —., либо [mb] один мгновенный —); точно так же какое-нибудь *sv* (два длительных согласных — —) превращается в *sp* (длительный с мгновенным —.). Если нивхский язык идет другим путем, чем африканские, то цель у них одна, но разная структура и разный фонетический состав; последние обстоятельства и определили разные пути. Что касается воздействия нивхских носовых на последующий согласный, здесь наблюдается полное схождение с африканскими языками, и мы на этом не останавливаемся.

Любопытное схождение нивхского языка с языками суто-чуана в том, что звонкие длительные чередуются с чистыми глухими мгновенными, а глухие длительные — с придыхательными глухими мгновенными, объясняется тем, что глухие согласные более воздушны, чем звонкие, т. е. требуют большей затраты выдыхаемого воздуха, так как при звонких согласных голосовые связки сближены и дрожат, задерживая выход воздуха. Избыток воздуха, прихлывшийся на глухой длительный согласный, накапливался при пермутации и выходил по ликвидации нового мгновенного согласного в виде придыхания. Сближение голосовых связок, сопровождавшее звонкий длительный согласный, либо переходило в их смычку (и пермутированный согласный оказывался смычно-гортанным, каковы глухие непридыхательные мгновенные у большинства говорящих на языках суто-чуана), либо наоборот — сменялось удалением голосовых связок друг от друга (и пермутированный согласный был простым глухим, как у меньшинства говорящих на языках суто-чуана, но, по-видимому, у всех нивхов). Что касается языка фуль, в нем пермутация

не затрагивала работы голосовых связок, но переносила почти всю энергию на работу ротовых звукопроизводящих органов, отчего получалась своеобразная гармония согласных, как, например, *wiwre* «фурункул», мн. ч. *bubi*; *fouri* «гиена»; мн. ч. *pobi*; *xolsere* «лапа», мн. ч. *kolt'e*. Сюда же относится и пермутация второго согласного в слове, если первый не поддается пермутации, например *nofru* «ухо», мн. ч. *nopi*; *limsere* «длинное платье», мн. ч. *limt'e*.

4. Морфологическая сторона явления

Уже при рассмотрении фонетической стороны изучаемого явления мы были вынуждены делать небольшие экскурсы в область морфологических отношений: не один раз речь была о передаче отмирающей морфемой своей функции остающейся морфеме, говорилось также о связи между морфологической и фонетической компактностью.

Сравнение структуры привлекавшихся языков на первый взгляд очень неутешительно: в отношении порядка слов нивхский и упоминавшиеся африканские языки диаметрально противоположны (первый язык пользуется словопорядком «отца дом», «большой дом», «воду пить», т. е. предпосылает ограничивающий элемент ограничиваемому как в определительных, так и в дополнительных комплексах, последние же языки пользуются словопорядком «дом отца», «дом большой», «пить воду» и т. д.); в нивхском языке нет ни рода, ни класса, а в языках банту и бантоидных все имена делятся на много классов, каковое деление распространяется на все согласующиеся категории, наделяя их классовыми показателями — существительное, прилагательное, местоимение, глагол (он согласуется с субъектом и с объектом), притяжательная частица... Казалось бы, нечего и сравнивать! Однако есть и сходство, но оно не может быть достаточно заметным ввиду разных стадий развития, на которых находятся сравниваемые языки. Уже в порядке слов кое-что совпадает: подлежащее перед сказуемым, а не после него, как это обычно в семитских языках, принципиально близких к структуре банту; местоименный объект в языках банту ставится перед основой глагола, например суахили *ni-na-m-penda* «я его люблю» (*ni* «я», *m* «его»), что совпадает с нивхским, но не с фуль. Столь важная часть структуры банту и бантоидных языков, как система именных классов, находит себе подобие и в нивхском языке, именно 24 класса числительных, дифференцированных применительно как к общим, так и к частным, местно-производственным понятиям; например, числительное «три» звучит *t'aqr* по классу людей, *t'em* по классу лодок, *t'ar* по классу связок ююлы и т. д. Правда, эти нивхские классы не то, что мы привыкли видеть в африканских языках, но конкретное мышление, связанное с языковой классификацией понятий, сказывается одинаково ярко и там и здесь. Даже в семитских языках сохранились следы прежнего конкретного мышления на исчислении: в северноарабском языке имя периода, например *rib'* «четырёхдневный период» при *'arba'* «четыре», в южноарабском наречии мехри ^{32*} особые числительные при слове «день», например *šidet yōm* «шесть дней» при *hitt* «шесть», *šiba yōm* «семь дней» при *hōba* «семь».

В языках банту классовые показатели, они же местоимения 3-го лица примыкают в виде префиксов к основе слова так прочно, что граница между обеими морфемами стирается и получается срастание в одно слово. При этом наибольшему уплотнению и стиранию подвержены показатели, содержащие носовой согласный *-m* или *-n*, а из этих показателей в первую

очередь стираются содержащие узкий гласный *-u* или *-i*. Нужно заметить, что имена без классowego показателя не употребляются²⁶, например, суахили *mthu* «человек» // *wathu* «люди», *nyuki* «пчела» // *tyuki* «мед», но нет слов **thu* или **yuki*. Такое положение вещей содействует интеграции слов (восприятию их как неделимого целого), и это требует максимальной компактности фонетического оформления вроде того, как по-русски словосложения по мере интеграции упрощают и сжимают свой звуковой состав, например, *двоюродный* → *двоюрный*, *пятьдесят* → *пиисят*, *шестьдесят* → *шиисят*.

В языке фуль дело несколько иначе. Как показал A. Klingenheben²⁷, фуль в прошлом находился на той стадии развития, какую можно наблюдать в наше время в группе гурма (Либерия)²⁸: классовый показатель дается в виде конфикса, т. е. префикса и суффикса вместе, например, гурма *bu-nim-bu* «глаз», *bu-ńo-bo* «рот» (с ассимиляцией из **bu-ńo-bu*), *tu-ye-tu* «тыквы-горлянки», *ɲ-ku-tu* «железо» (уже стянуто из **tu-ku-tu*). Сравните приводившийся выше берберский конфикс женского показателя *t...t*; в семитских языках подобные явления реже и не типичны, например, евр. *tiḳ'ārāḏ* «украшение» (из **ta-p'ar-t*), араб. *taẓribat* «опыт». Чем бы ни объяснялось двукратное применение того же показателя к тому же слову (сейчас нам это не так уж важно), ясно, что в известной момент развития языка один из двух показателей будет осознаваться как ненужный плеоназм и, в результате этого, будет устранен. Так и случилось в языке фуль. Префиксы стали ослабевать и отпадать. Наиболее устойчивыми оказались соединения носовых со звонкими смычными, хотя и здесь пережил лишь остаток бывшего префикса, например, *mbaroga* «лев», мн. ч. *baro'de*; *ndau* «страус», мн. ч. *daud'i*; *ɲgeloba* «верблюд», мн. ч. *ge-lo'di*. Кроме того, устойчиво *n-*, но оно неспособно чередоваться, например, *ɲaku* «пчела», мн. ч. *ɲaki*. В остальных случаях отпал даже остаток бывшего префикса, но сохраняется пермутация, впитавшая в себя следы отпавшего сонорного согласного, например, *rauandū* «собака», мн. ч. *dawadi*. Что касается суффиксов, они тоже не остались в целостности и сохранности, но все же удержались в виде окончаний, хотя уже упрощенных в своей форме, — носовые согласные в конце слова часто исчезают, а между тем начало слова нередко дает понять, что полная форма показателя содержала конечный носовой согласный; при скоплении согласных на стыке основы с суффиксом часть согласных гибнет, и суффикс может упроститься вплоть до одного гласного, например *lingu* «рыба», мн. ч. *li'di* содержит основу *li-* и суффиксы *-ɲgu* (ед. ч.) и *-'di* (мн. ч.), тогда как *ɲaku* «пчела», мн. ч. *ɲaki* выбрасывает согласные *ɲg* в первом случае и *'d* в последнем за невозможностью скоплений *kɲg* и *k'd*. Интеграция в языке фуль происходила так же, как в языках банту; отсюда та же потребность в компактности фонетического оформления. Ряд суффиксов кончается на *l* (*-gal*, *-ɲgol*, *-ɲgel*), откуда приписывание звуку *l* тех же пермутирующих способностей, как и у носовых согласных, но об этом

²⁶ Здесь не имеются в виду случаи, утратившие классовый показатель вследствие его фонетического стирания или — будучи заимствованиями — не принявшие показателя по аналогии со стертыми случаями. Формальная утрата показателя не снимает согласования данного стертого случая с другими словами в предложении, например, суахили *merikebu imetia nanga* «корабль бросил якорь» (араб. *markab* «корабль»; *i-* в глаголе показывает класс, к которому относится «корабль»); *rangi nzuri* «красивая краска» (перс. *rang* «краска»; *n-* в прилагательном показывает класс, куда входит «краска»).

²⁷ См. его итоговую статью по этому вопросу — *Die nominalen Klassensysteme des Ful*, помещенную в сб. «*Donum natalicium Schrijnen*». Chartres, 1929, с. 175—181.

мы уже говорили раньше. Почему именно префиксы исчезли (вплоть до немногих упоминавшихся остатков), а суффиксы в основном сохраняются? С фонетической стороны и те и другие, пожалуй, равносильны, так как ударение в языке фуль падает большей частью на основу и, вероятно, это было так и прежде: *'be-fúl-'be* → *Fulbe*, сравните *Fulfulde* «язык фуль». С морфологической стороны префиксы в этом языке не так важны, как суффиксы: в отличие от языков банту язык фуль не сливает субъектные местоимения с глаголом в одно целое, но допускает и нередко применяет инверсию (по крайней мере для первых двух лиц в обоих числах), что в языках банту невозможно; объектное местоимение ставится позади глагола, а не перед глагольной основой, как в языках банту. С синтаксической стороны суффиксы в языке фуль попадают в особо выигрышное положение благодаря замечательной особенности структуры этого языка — рифмованной местоименной цепи, соединяющей подлежащее и сказуемое именного предложения (например, *leki kin ki towi* «это дерево высоко», букв. «дерево это, оно высоко») или вводящей относительное предложение (например, *xondu ndu ndu ŋgi mi* «палец, который я видел», букв. «палец, тот, тот видел я» или «палец он, его видел я»). Троекратная рифмующая связь «классовый показатель + указательное местоимение + + связка», составленная из того же самого элемента, повторенного три раза подряд, это — сила; префиксы оказывались бескровленными и в конце концов уничтоженными!

Наконец, относительно нивхского языка. Его строй характеризуется определительными и дополнительными комплексами, которые интегрируются наподобие словосложения других языков; недаром исследователи языков народов Севера прибегают к таким показательным переводам на русский язык, как «человеко-олене-убийство», в смысле «человек оленя убил». Ясно, что язык с таким строем должен иметь елико возможно компактные фонетические соединения. Однако далеко не все комплексы нивхского языка равноценны и получают одинаковое фонетическое оформление. Если определительный комплекс содержит глагол и передает смысл наших причастий, такое определение не воздействует на определяемое имя и последнее проявляет мгновенное начало, например, *za-thuyr* «крепсало» (букв. «бит-огонь»); *ni let-taf* «мною сделанный дом» (букв. «я-сделал-дом»). В обоих случаях определяемые *thuyr* «огонь» и *taf* «дом», а не *ŋuyr* и *raf*, как после настоящих именных определений с гласным или мгновенным концом. Если первоначальными из чередующихся шумных согласных считать длительные (в силу первенства переходных глаголов и показаний известных заимствований), то у имен и непереходных глаголов можно предположить несохранившиеся префиксы, повлиявшие на первый согласный основы, быть может, даже один и тот же префикс (в смысле «его» ~ «себя; -ся»). Тогда в комплексах определительном и дополнительном префиксы будут лишни (в первых всегда сказано, чей предмет, в последних всегда сказано, кого или что обрабатывают). Какой же звук мог пермутировать начало следующего слова и исчезнуть? Очевидно, *-h*, т. е. шумный целевой, который не встречается иначе, чем перед гласным; значит, мог бы пермутировать и исчезнуть. Зная местоимение *həd* «он, этот», можно думать, что какое-нибудь *t'ham(ŋ)* «шаман» возникло из **hə-sam.ŋ* → **h'sam.ŋ* → **ht'ham.ŋ*, а какое-нибудь *pəkzd'* «потеряться» возникло из **hə-wəkzd'* → **hwəkzd'* → **hp.əkzd'*. Отпадение этого предполагаемого **h-* должно было последовать как в силу плохой его слышимости, так и в силу его функциональной устарелости: первоначально, допустим, нивхи не представляли себе предмета вообще, но

лишь «мой предмет», «твой предмет», «соседа предмет» и т. д., дальнейшей же ступенью развития должно было быть использование какого-нибудь одного местоимения, дававшего обобщение принадлежности или (что то же самое) устранявшего понятие принадлежности за счет понятия указания — «этот предмет», «данный предмет». Типологические аналогии найдутся во многих языках, причем в некоторых языках устарелый обобщитель сохранился, в неотделимом для сознания виде, в составе нескольких единичных слов ²⁸, а в некоторых языках подавляющее большинство имен (чуть ли не все) сопровождается единообразным оформлением, уже утратившим свой первоначальный смысл, например, в абхазском и абазинском языках постоянное *a-* в начале имен; в берберских языках *a-* (муж. р. ед. ч.), *i-* (муж. р. мн. ч.), *ta-* (жен. р. ед. ч.), *ti-* (жен. р. мн. ч.) ^{34*}, т. е. целая парадигма префиксов, но ... без смысла, так как категории женского рода и множественного числа имеют свои особые суффиксальные показатели *-t* (жен. р.) *-n* (мн. ч.). Что касается непереходных глаголов, они могут быть по сути дела возвратными, хотя в нивхском языке возвратное местоимение есть и звучит *phi* «себя», в сложениях *ph-* (стало быть, не смогло бы служить префиксом, который пермутировал бы и исчезал). Однако непереходные глаголы могут развиваться и другими путями; поэтому не исключается и применимость **hə-*, связанного с современным *həd'* «он, этот».

Если основа началась с гласного, можно ожидать, что предполагаемый префикс **h-* образует слог с этим гласным и, по утрате своей смысловой функции, сохраняется как мертвый инвентарь. Действительно, есть случаи, что начальное *h* чередуется с начальным *i*, которое Л. Я. Штернберг ^{35*} разъяснил как плеонастическое местоимение *i-* «его», употребляемое нивхами, когда перед переходным глаголом не поставлено другого дополнения, например, *ied'* «варить» // *hed'* «свариться», *iamatud'* «мять» // *hamatud'* «быть мягким», т. е. такие же противоположения, как *vəkdz'* «потерять» // *pəkdz'* «потеряться»; есть и случаи противоположения переходных глаголов именам, как *irkud'* «ловить петлями зверя» // *hirkus* «петля» (сравните *fuvd* «пилишь» // *phuf* «пила»). Во всех этих случаях звук *h* функционирует словно мгновенный против длительного, хотя сам по себе является длительным. Однако настоящего чередования у звука *h* нет: *t'ho-hed'* «рыбу варить» и *ɣəʔɣ-hamatud'* «шкуру мять», тогда как после гласного требуется не тот же согласный, что после *ɣ*. Очевидно, префикс *i-* еще жив в сознании говорящих и не может оставаться после дополнения, а предполагаемый префикс *h-* уже мертв и механически замещается *i-*, где оно не может быть. Что касается имен и глаголов, начинающихся на гласный в современном нивхском языке, они могли утратить какую-нибудь древнюю согласную фонему, чуждую современной нивхской фонетике и не изменявшуюся под влиянием предыдущих звуков. Такими утраченными фонемами могли быть либо гортанный взрыв ['] (артикуляция, нередкая в языках народов Севера), либо язычковый носовой *ɲ*, как в эскимосском, что гармонизовало бы с существующей серией *k, g, ŋ, x, ɣ*, пополнив серию *q, ġ, x, ʔ*.

Свести запас шумных согласных к одним длительным не удастся ни в африканских, ни в нивхском языке без значительных трудностей. Так, в нивхском языке есть местоимения *t'hi* «ты», *t'həɣ* «вы», *phi* «себя». Можно ли свести их к **ɣi, *ɣəɣ, *fi*? Фонетически можно, предположив исчез-

²⁸ См. статью В. И. Абаева. Осетинское *təpəw* «пшеница» (сб. «Язык и мышление», I, Л., 1933, с. 67—70).

нувший префикс **hə* → **h-*, но морфологически невероятно, чтобы здесь был какой-то определенный член, когда личные и возвратные местоимения определены уже по содержанию. Может быть, их начало пермутировалось по аналогии с остальными именами, начинающимися с шумного согласного (исключая звук *h*, который не входит в пермутацию)? Во всяком случае *phi* «себя» можно было бы увязать с *if* «он», а *t'hi* «ты» имеет какие-то связи с *si* других языков ²⁹.

III. ОСОБЕННОСТИ СООТВЕТСТВИЙ ПЛАВНЫХ СОГЛАСНЫХ В КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

А. Грузинское -*l*- // мегрело-чанское -*r*-

1. Описание явления и примеры

Грузинскому интервокальному *l* соответствует мегрельское и чанское *r*, например, «душа» — груз. *suli* // мегр.-чан. *šuri*. Однако настоящая интервокальность необязательна для грузинского языка в силу его малогласия, но обязательна для мегрельского и чанского в силу их полногласия, например «собака» — груз. *zayli* // мегр.-чан. *žoyori*; назвать *l* интервокальным в грузинском примере нельзя, так как оно стоит между согласным и гласным, но *r* в мегрело-чанском примере действительно является интервокальным.

Интервокальное *l* отнюдь не чуждо также мегрельскому и чанскому языкам, но оно сводится: 1) к заимствованию из других языков, 2) к диссимиляции при скоплении двух *r* в том же слове, 3) к колебанию между звуками *l* и *r* в поствокальной позиции.

Примерами заимствованных слов, содержащих интервокальное *l*, могут служить мегрельское *proli* «пол» (из русского языка и, очевидно, через ступень **porli*, как об этом говорилось в нашем I этюде) и чанское *meseli* «поговорка» (из араб. *maḍal* через тур. *mesel*). Усвоение заимствованных слов облегчается многоязычностью Кавказа и в частности тех его обитателей, о языках которых идет речь. Гораздо сложнее обстоит дело с мегрело-чанскими заимствованиями из грузинского языка. Говоря с детства и по-грузински и на родном языке, мегрелы и чаны могут заимствовать из грузинского языка самые обыкновенные слова, так как поводом к заимствованию являются зачастую не отсутствие нужного термина, а одинаковая понятность и своего и грузинского слова. В таких случаях, собственно говоря, происходит не заимствование, а смешение языков, сопровождаемое подчас и гибридизацией родственных слов. Вот это последнее явление и приводит к загадкам для сравнительной фонетики картвельских языков, если эта дисциплина разрабатывается без учета гибридизации слов. Приведем примеры: «вода» — груз. *çgali* // мегр.-чан. *çgari* ^{55*}; «дочь» — груз. *asuli* // мегр.-чан. *osuri* (с отклонениями в значении: мегр.: «женщина», чан. «девушка»). Если бы в мегрельском и чанском языках эти слова были исконными, они звучали бы **çqori* и **ošuri*; между тем, в форме *çgari* всего 33% мегрелизации, а в форме *osuri* ее 66%. У старого кавказоведа Brosset ^{36*} записана мегрельская форма *çgari* (так сказать, 66-процентная), но современные мегрелы ее не знают... Итак,

²⁹ В названной выше «Фонетике нивхского языка», с. 54, это сопоставляется с найским, удэйским и эвенкийским *si*, эвенским *hi*, монгольским *çi*. Но последнее выводится из **hi* (ср. монг. *iā* «вы»).

интервокальное мегр.-чан. -*г*- не всегда говорит за истинность даже при груз. -*л*-. Что касается диссимилиации *r...r* → *r...l*, она хорошо известна и в грузинском языке, например, *arabuli* «арабский», *kartuli* «грузинский», *rusuli* «русский при *čanuri* «чанский», *somxuri* «армянский», *xačauri* «китайский». По вопросу о соответствии плавных согласных в картельских языках нас будут интересовать другие случаи. Нам известно слово «ласточка» — груз. *mercxali* // мегр. *marčixoli*. Сравнивая обе формы, замечаем строго закономерное соответствие гласных груз. *e* // мегр. *a*; груз. *a* // мегр. *o*; гласный -*i*- внутри мегрельской формы не имеет соответствия в грузинской форме и относится за счет полногласия, свойственного мегрельскому и чанскому языкам; незакономерность в ступени аффриката (должно бы быть или груз. *c* // мегр.-чан. *č* или груз. *c* // мегр.-чан. *č*) можно объяснить тем, что в мегрельской форме *marčxoli*, вариант *mačirxoli*, аффрикат не находится в контакте с -*x*-, тогда как в малогласной грузинской форме получился контакт, который подвергся ассимиляции в порядке картельских гармонических сочетаний, допускающих лишь *cx*, но не **čx*³⁰; наконец интервокальное -*л*- грузинской формы имеет своим соответствием в мегрельской форме тоже *l*, а не *r* (здесь действует диссимилиация *r...r* → *r...l*, обязательная и для мегрельского языка).

Относительно колебания *r* ~ *l* в поствокальной позиции нужно сказать, что это явление наблюдается главным образом в окончании дательных падежей мегрельского склонения, например, от *čili* «жена» образуются падежи *čils* ~ *čirs*, *čilk* ~ *čirk*. Само собой разумеется, что это колебание может служить точкой, откуда по всей парадигме распространится на тот согласный, который был в конце основы прежде, до колебания.

Близко к этому типу случаев, но не в связи с ним, находится другой тип — имя с отпадающим конечным *l*. Такое имя сохраняет *l* только в интервокальной позиции, но, очевидно, не может сменить *l* на *r*, так как конечное *r* не отпадает; например, «брат» — мегр. *žima*, чан. *žima*, образует мн. ч. мегр. *žimalepi*, чан. *žimalepe*. Стало быть, исторической основой является *žimal* // *žimal*. Это переменное окончание -*al* не только держится в указанной форме, но и влечет за собой по аналогии также заимствованные слова: например «священник» — мегр. *papa* образует не только мн. ч. *papepi*, но и мн. ч. *papalepi*. Таким образом получается дополнительный источник, дающий этим языкам интервокальное *l*.

2. Стадии развития плавных

Интересующее нас соответствие интервокального *l* одного родственного языка интервокальному *r* других родственных языков получит широкое типологическое освещение, если посмотрим, как обстоит дело в других языках мира.

Языки проявляют различные стадии развития плавных согласных. Можно различить: 1) стадию с одним плавным согласным^{37*}, 2) стадию с позиционным раздвоением плавного, 3) стадию с непозиционным различием двух плавных.

К стадии с одним плавным согласным принадлежат, с одной стороны, языки, имеющие только *l*, но не имеющие *r* (китайский³¹, зулу^{45*}, самоан-

³⁰ См. мою статью «Фонетические параллели африканских и яфетических языков» (сб. «Africana», т. I, с. 35).

³¹ Следует оговориться, что в европейских транскрипциях китайского языка можно встретить не только *l* (*л*), но и *r* (*р*). Однако последний знак передает не звук, а слог, который воспринимается разными исследователями по-разному: Karlgren^{38*} *r*, Lessing^{39*} *orl*, Hirth^{40*} *ir*, Wade^{41*} *erh*, Couvreur^{42*} *eul*, Vissière^{43*} *eul*, Палладий^{44*} *эpp*.

ский ^{46*}), с другой стороны, языки, имеющие только *г*, но не имеющие *л* (из древних — египетский ^{47*}, ведический санскрит ^{48*}, зендский ^{49*}; из современных — японский ^{50*}, готтентотский ^{51*}, маори ^{52*}, таити ^{53*}). Если родственные языки этой стадии расходятся в выборе плавного, то сплошь да рядом, когда в одном *л*, в другом будет *г*, например:

«волос» — самоан. *fulufulu* // маори, таити *huruhuru*

«рука» — самоан. *lima* // маори, таити *rima*.

Этот простейший вид соответствия *л* одного языка *г* другого языка постепенно сходит с лица земли, так как взаимодействие языков приводит рано или поздно к заимствованию недостающей фонемы.

Из стадии с позиционным раздвоением плавного наиболее ярким образом можно признать корейский язык ^{54*}. В начале слова этот язык имеет лишь *п*; вместо *л* или *г* заимствованных слов в этой позиции тоже получается *п* (все многочисленные китаизмы, начинающиеся в подлиннике на *л*, наполняют корейский словарь в отделе *Н*!). Внутри слова происходит чередование: в интервокальной позиции (и перед *h*) корейский язык имеет *г*, а в конце слога и, следовательно, в конце слова *-л*, например, *mari* «лошадь» (именительный падеж) ~ *mal* (винительный неопределенный падеж). На корейском языке видно, что когда язык свободен от семантического различия *л* и *г*, он идет по линии физиологического подбора и выбирает в интервокальной позиции *г* (сначала одноударное), как быстрое, редуцированное *л*. Дело в том, что артикуляция *л* слишком резко отличается от артикуляции других звуков, как гласных, так и согласных; переход от других звуков к *л* и от *л* к другим звукам сопряжен с известной задержкой, потребной для наведения или устранения боковых проходов (или одного такого прохода — при унилатеральном *л*), между тем как одноударное *г* не требует боковых проходов и, кроме того, сверхкратно по длительности исполнения. Стоит языку выработать хотя бы одноударное *г*, вслед за этим легко развивается и многоударное, так как принцип уже усвоен — ведь при ротацизме звуки *г* разных типов вырабатываются из звуков совсем другого типа, чем *г*, именно *d*, *ž*, *z*...

Следующая стадия, известная нам из большинства языков, хотя бы и из русского, нередко содержит весьма яркие пережитки предыдущей стадии. В качестве образца возьмем румынский язык. В основном вульгарно-латинском фонде румынского словаря интервокальное *л* отражается как *г*, например:

	«солнце»	«фиалка»	«скрипка»	«жернов»	«соль»	«яблоко»
вульг.-лат.	<i>sole</i>	<i>viola</i>	<i>viula</i>	<i>mola</i>	<i>sale</i>	<i>malu</i>
румын.	<i>soare</i>	<i>viorea</i>	<i>vioură</i>	<i>moară</i>	<i>sare</i>	<i>măr</i> ,

удвоенное *ll*, однако, сохраняется, например, «мягкий» — *molle* → *moale*. Интересно отметить колебание *л* ~ *г* в поствокальной позиции, например, «ива» — *salice* → *salice* → *salce* → *sarce*; это напоминает мегрельское колебание *čils* ~ *čirs*, *čilk* ~ *čirk*, о чем см. выше. Заимствования и, в особенности, книжный греко-латинский вклад сохраняет свои *л* в исправности, например, *filolog*. Так как основной источник румынского языка — вульгарная латынь — принадлежит к языкам, различающим *л* и *г* в любой позиции, перед нами либо проявление субстрата, видоизменившего латынь в румынский язык, либо следы какого-то периода в истории уже сложившегося румынского языка, когда ускорение темпа

речи сочеталось с ее небрежностью в артикуляторном отношении ³².

После наших типологических сравнений становится ясно, что мегрельский и чанский языки пережили какой-то период своей истории, аналогичный тому, что происходило в истории румынского языка. Дальнейшие исследования, производимые специалистами в каждой отдельной области, приведут нас к разгадке причины интересующего нас явления, формальную сторону которого мы пытались осветить.

Б. Грузинское *-r-* // мегрело-чанское *-nʒ-*

1. Описания явления и примеры

Как в предыдущем, так и в этом явлении интервокальная позиция играет господствующую роль; неподходящие случаи вызваны какими-либо переменами в слогоразделе слова. Кроме того, для картвельских языков следует особо учитывать возможность восприятия сочетаний типа *tk*, *kv* и т. п. за одну цельную фонему, как о том говорилось уже в этюде I, § 3, где приведены примеры блуждающего сонорного согласного в мегрельском языке.

Если не во всех, то во многих случаях замечено, что грузинскому интервокальному *-r-* соответствует в мегрельском и чанском языках *-nʒ-* или его замены ^{56*}, как видно из нижеследующих примеров:

груз. <i>beri</i> ~	м.-чан. <i>badi</i> «старик» (по-мегрельски обычно <i>badidi</i>)
<i>ceri</i> ~	<i>čanʒi</i> «большой палец»
<i>cxviri</i> ~	<i>čxvindi</i> «нос»
<i>čveri</i> ~	<i>cvanʒi</i> ~ <i>cvandi</i> «верхушка» (дат. п. <i>cvans</i> ~ <i>cvanc</i>)
<i>čuri</i> ~	<i>čkuʒi</i> ~ <i>čkudi</i> «сосуд, кувшин» (дат. п. <i>čkud</i>)
<i>kmari</i> ~	<i>komonʒi</i> ~ <i>kotoʒi</i> «муж» (дат. п. <i>komons</i>)
<i>marčvi</i> ~	<i>mučkvi</i> ~ <i>mučkvi</i> «барсук»
<i>m-čari</i> ~	<i>čanʒi</i> ~ <i>čandi</i> «муха» (арм. <i>čanʒ</i> → <i>čanč</i>)
<i>mxari</i> ~	<i>mxuʒi</i> ~ <i>pxuʒi</i> «плечо»
<i>piri</i> ~	<i>piʒi</i> «рот» (дат. п. <i>pis</i> ~ <i>pic</i>)
<i>xari</i> ~	<i>xoʒi</i> «бык» (дат. п. <i>xos</i> ~ <i>xoč</i>)
<i>zamtari</i> ~	<i>zotonʒi</i> ~ <i>zotoni</i> «зима» (дат. п. <i>zotons</i>)
<i>ʒiri</i> ~	<i>ʒinʒi</i> ~ <i>ʒini</i> «дно, корень» (дат. п. <i>ʒins</i> ~ <i>ʒinc</i>)

В большинстве случаев чанский язык имеет формы уже без *-n-*, хотя кое-где исследователи наталкивались на архаизмы с *-n-* (так, у Ачаряна ^{57*} «нос» *čxvinʒi*). В мегрельском языке чередуются формы и с *-n-* и без него но, конечно, не у каждого слова. Мегрельские варианты с *-n-* без далее следующего согласного получаются в дательном падеже на *-s* вследствие скопления переднеязычных согласных, каковое обычно упрощается так, что конечное *-d* или *-ʒ* основы гибнет; особенно показателен пример «зима», дательный падеж которого *zotons* употребляется в качестве наречия, «зимой», и благодаря этому в сознании говорящих доминирует основа *zoton*. Особенность проявляет и пример «барсук»: здесь грузинскому *-r-* соответствует нестойкое *-n-*, но позиция не интервокальна (даже с оговоркой относительно *čv*//*čkv*!) и полное соответствие *-n-* (или *-nd*) невозможно.

Приведем еще несколько примеров, подходящих к интересующему нас вопросу лишь с какой-нибудь одной стороны, но дающих возможность

³² Быстрая и вместе с тем небрежная речь очень интенсивно содействует ротацизму, но и здесь, как и в других фонетических процессах, размах явления может быть весьма различен. В латыни ротацизм поражает своей регулярностью, хотя он, конечно, связан с определенным периодом в истории языка, между тем как в сербском языке он охватывает лишь единичные случаи — *боре, море*, вместо *боже, може* (но эти словечки как раз и нестрят в речи).

более широкого освещения. Именно: сочетание *-nd-* или *-nž-* может появиться в мегрельском языке и в тех случаях, когда по-грузински не *-r-*. Так, «зять» — груз. *size* || мегр. *sinža ~ sinda* показывает, что чередование *nž ~ nd* может происходить и безотносительно к изучаемому нами соответствию, так как грузинская форма содержит не *-r-*, а *-ž-*, каковому по-мегрельски закономерно отвечает *-ž-*. «Перстень, печать» — груз. *be — čedi*, мегр. *marčkindi*, чан. *ma-čkindi* показывает сочетание *-nd-*, получившееся в силу блуждающей назализации перед *-d-*, но в таких случаях, вероятно, не бывает *-ž-*. Наряду с формами *žgižgiṭia ~ čkičkiṭia*, употребляющимися по-мегрельски соответственно груз. *žinčveli* || *čiančvela* «муравей», сообщают еще форму мегр. *zgəzgəndu*³³, которая показывает *-nd-* для груз. *-l-*; последнее по-мегрельски должно было бы отобразиться через *r* — согласно предыдущей части этого этюда. Еще более любопытным примером является «лук (орудие)» — груз. *švildi ~ mšvildi* || мегр. *škvoli ~ škvindi*; здесь мегр. *-l-* удержалось от перехода в *-r-* благодаря сочетанию *ld*, что напоминает приводившееся выше румынское отражение вульгарно-латинского гемината *-ll-* через *-l-*, но вариант *-nd-* мог бы восходить и к *-*r-* и к *-*l-* — судя по предыдущему примеру «муравей», хотя больше вероятия за удержание уже наличного в грузинском конечного *-d-* основы.

2. Объяснение явления

Необычность соответствия *-r-* одного родственного языка *-nž-* других родственных языков представляет трудность для объяснения лишь до тех пор, пока мы не сопоставим два явления: блуждающую назализацию (см. наш I этюд) и пермутацию согласных (см. наш II этюд). Стечение обоих явлений в одном языке дает столь необычное соответствие. Не случайно, что интересующее нас соответствие появилось в языках, изобилующих блуждающей назализацией, но не случайно и то обстоятельство, что предполагаемое стечение согласных **nr*, которого картвельские языки не выдерживают, дало пермутацию *nž ~ nd*, так как и пермутация в этих языках распространенное явление — вспомним хотя бы постоянное колебание окончания одного из дательных падежей *-s ~ -c* после носового или *l* || *r*. Это *-c*, свойственное главным образом самурзакано-зугдидскому говору мегрельского языка, объясняется, конечно, не «подъемом»³⁴, а пермутацией например, *žami* «время» → *žams* → *žans* → *žanc* «когда».

Колебание в звуке переднеязычного сочетания — зубное *nd* или передненебное *nž* — вызвано, очевидно, противоречием обычных точек артикуляции обоих слагаемых: картвельское *n* зубное, а *r* передненебное. Поэтому, при победе зубного начала, получается *nd*, а при победе подъема кончика языка к переднему небу получается *nž*. Возможно, что оба варианта принадлежали когда-то разным говорам, но смешение говоров привело к колебанию вариантов. Что касается блуждания *n*, это явление широкого распространения и объясняется несемантической фонетических «наростов» по крайней мере в известный период развития языка³⁵.

³³ И. И. Мещанинов. Пособие к пользованию яфетидологическими работами. Л., 1931, с. 18.

³⁴ И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914, с. 024.

³⁵ Характерно, что академическая азбука 1888 г. рассматривала мегрельское произношение сочетания *nž* как один цельный звук — носовой звонкий шипящий аффрикат *ɟʲ*.

Вдобавок это явление спорадично и поэтому охватывает не все возможные случаи, а только часть их. Почему именно одни случаи подвергаются изменению, а другие нет, это дело специалистов по данным конкретным языкам. Пишущий эти строки не располагает ни нужными для этого материалами, ни нужной для этого подготовкой.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1*. Хауса — язык входит в западную группу чадской ветви афразийских (семито-хамитских языков). См.: *Дьяконов И. М.* Семитохамитские языки. М., 1965. С. 9—12; *Смирнова И. А.* Язык хауса. М., 1960; *Diakonoff I. M.* Afrasiatic languages. M., 1988.
- 2*. Нивхский (гиляцкий) — иначе: гиляцкий, входит в сибирскую группу палеоазиатских языков. Основные работы: *Крейнович Е. А.* Фонетика нивхского языка. М.; Л., 1937; *Крейнович Е. А.* Нивхский (гиляцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.; Л., 1934; *Панфилов В. З.* Грамматика нивхского языка. Ч. 1: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л., 1962; Ч. 2: Глагол, наречие, образные слова, междометия, служебные слова М.; Л., 1965; *Jakobson R.* Notes on Gilyak // The Bull. of the Institute of history and philology (of the Academia Sinica). 1958. V. XXIX; *Jakobson R.* Selected writings. V. II: Word and language. The Hague; Paris, 1971.
- 3*. Фуль — язык фула входит в западноатлантическую группу нигеро-конголезской или — конго-кордофанской семьи языков Африки. См. специальную работу: *Коваль А. И., Зубко Т. В.* Язык фула. М., 1986; по фонетике этой группы языков: *Поздняков К. И.* Развитие систем консонантных чередований в языках манде и в атлантических языках // Африканское историческое языкознание. М., 1987. С. 397 и сл.
Здесь и далее Н. В. Юшманов приводит материалы и примеры из африканских языков, из источников и работ своего и более раннего времени. В связи с этим следует отметить, что в их передаче и транскрипции возможны неточности, в частности не отмечены долготы гласных и согласных в примерах из языка фула и некоторых других. Однако в целом эти неточности нерелевантны для авторской интерпретации материала и не подрывают концепцию.
- 4*. Суто-чуана — в современном названии «сото-чвана» относится к подгруппе сото юго-восточной группы языков банту (Африканское языкознание. М., 1963. С. 418; далее — Африканское языкознание).
- 5*. Сб. «Africana». Т. I. М.; Л., 1937.
- 6*. Работа Н. В. Юшманова «Семито-хамито-яфетические сжатогортанные» вышла в XI томе «Язык и мышление». М.; Л., 1948. С. 395—405 (посмертно).
- 7*. Сб. «Памяти Н. Я. Марра». М.; Л., 1939.
- 8*. *Mischlich A.* Lehrbuch der hausanischen Sprache (Hausa-Sprache). B., 1902; Wörterbuch der Hausa-Sprache. B., 1906.
- 9*. *Bargery G. P.* A Hausa-English dictionary and English-Hausa vocabulary. Oxford, 1934.
- 10*. «Значок Lepsius'а» — Charles-Richard Lepsius (1810—1884) — египтолог немецкого происхождения. Относительно его фонетической системы см.: *Zunder Л. Р.* Общая фонетика. 1960. С. 323. § 292.
- 11*. *Klingenheben A.* Die Silbenauslautgesetze des Hausa // Z. für Eingeborenen Sprachen. 1928. Bd XVIII. № 4.
- 12*. *Prietze R.* Die Mädchen von Gaia // MSOS. 1926.
- 13*. По вопросу о геминатах в семитских языках и их диссимиляции см. также более поздние работы: *Spitaler A.* Zur Frage der Geminatendissimilation im Semitischen // Z. für Indogermanische Forschungen. 1954. 61; *Cantineau J.* Études de linguistique arabe. P., 1960. P. 189—190, 195—198; *Kurylowicz J.* L'apophonie en sémitique. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1961. P. 44—47. § 57—61. *Mc. Carthy J. J.* OCP effects: Geminatation and antigeminatation // Ling. inquiry. 1986. V. 17. № 2. См. также по хауса: *Carnochan J.* Geminatation in Hausa // Studies in linguistic analysis. Special volume of the Philological Society. Oxford, 1957.
- 14*. Новые работы по грузинскому и картвельским см. в комментариях к III разделу.
- 15*. «По терминологии И. А. Бодуэна де Куртенэ — кинема»... — И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). Основные работы ученого представлены в: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные произведения. Т. 1—2. М. 1963; о нем: *Леонтьев А. А.* Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963; *Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В.*

Очерки по истории лингвистики. М., 1975. Гл. 7. I. С. 481 и сл.; *Шараденидзе Т. С.* Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX—XX вв. М., 1980.

- 16*. О чередовании согласных в языке фула см. исследование, подводящее итог к настоящему времени: *Коваль А. И., Зубко Г. В.* Язык фула. М., 1986. С. 20—26; также указ. соч. К. И. Позднякова, с. 397—425.
- 17*. Анализ явления пермутаций согласных в группе атлантических языков в функциональном и диахроническом планах проведен в последние годы отечественными африканистами (см. «Язык фула», с. 22; указ. соч. К. И. Позднякова, с. 357—457) и позволяет дать чередованиям начальных корневых согласных историческое объяснение.
- 18*. В. А. Богородицкий (1857—1941) — о нем см.: *Березин Ф. М.* Некоторые проблемы общего языкознания (относительная хронология и морфологические процессы) в лингвистическом наследии В. А. Богородицкого: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1961; Очерки по истории лингвистики. М., 1975. Гл. 6. IV. С. 455 и сл.; *Андрамонова Н. А., Байрамова Л. К.* В. А. Богородицкий. Казань, 1981.
- 19*. «Относительно аффрикатов...» — экспериментальная характеристика аффрикаты дается в книге: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960. С. 141—142. § 130.
- 20*. «Где есть пары $f \sim p$, $v \sim b$, можно смело сказать, что исходное произношение f , v было губно-губным...». Ср. результаты исследования К. И. Позднякова по языкам банту — указ. соч., с. 422—425.
- 21*. «...пермутация есть один из путей передачи функции отмирающей морфемы остающимся морфемам» — к аналогичному выводу приходят авторы работы «Язык фула», с. 22.
- 22*. «...в туарегском языке...» — в современном афразийском языкознании классификация берберских (по новой классификации — ливийско-гуанских) языков выделяет южную, или туарегскую, группу языков, которая распадается на две подгруппы: севернотуарегскую: гхат, аир, ахаггар; южнотуарегскую: тауллемет, танеслемт. Вопросы генетической классификации берберских (ливийско-гуанских) языков и места в них туарегских рассматриваются в подготовленных к печати работах: «Ливийско-гуанские языки» (А. Ю. Айхенвальд, А. Ю. Милитарев) и «Туареги на Канарах» (А. Ю. Милитарев). Лексема *abarad* — из языка ахаггар, в языке гхат *abarad* (СИСАЯ. I. № 106. С. 87); лексема *tamašeq* — общеюжнотуарегская; *amɣar/tamɣart* «старик/старуха» — общеберберская; *awagqas* в форме *wagqas* отмечен в диалекте аир как «дикий зверь» (см.: *Hobeid Alojaly. Lexique touareg-français.* Copenhagen, 1980).
- 23*. «...Суахели в Восточной Африке» — язык суахили входит в восточную группу языков банту (Африканское языкознание, с. 418); см. также о языке суахили: *Мячина Е. Н.* Язык суахили. М., 1960.
- 24*. О пермутации согласных в фула, связанной с классными показателями, см. также: *Коваль А. И., Зубко Г. В.*, указ. соч., с. 86—87.
- 25*. *Storbeck F.* Metoula-Sprachführer der Ful-Sprache (Dialekt von Adamana). В., 1919—1920.
- 26*. «...основанном на адамовском диалекте...» — диалект адамауа входит в группу восточных диалектов фула, распространен в Северном Камеруне и прилегающих районах Нигерии.
- 27*. О чередовании согласных в языке фула в неначальной позиции см. также: *Коваль А. И., Зубко Г. В.*, указ. соч., с. 23—26.
- 28*. «Язык ваи (западно-суданская группа манде)...» — язык ваи(вай) входит в группу языков манде-тан (Африканское языкознание, с. 419); относительно консонантных чередований в языках манде см. также указ. соч. К. И. Позднякова, с. 358 и сл.
- 29*. Шренк — Леопольд Ив. Шренк (1826—1894), русский этнограф и натуралист, директор Музея антропологии и этнографии в Петербурге (1879—1894). Его публикации в материалах экспедиции на Амур и Сахалин: «Об инородцах Амурского края». Т. 1—3. СПб., 1883—1903;
- 30*. Штернберг — Лев Яковлевич (1861—1927). Советский этнограф, чл.-корр. АН СССР. Публикации: Гиляки, орочи, гольды, нигедалцы, айны. Хабаровск, 1933; Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. О нем см.: Памяти Л. Я. Штернберга. 1861—1927. Л., 1930.
- 31*. *Д. В. Бубрих.* Звуки и формы эрынской речи (по говору с. Козловки). М., 1930. С. 17. Сам Д. В. Бубрих интерпретирует эти примеры как результат позиционных чередований. Д. В. Бубрих (1890—1949), о нем: *Керт Г. М.* Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890—1949. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975. О фонетических корреляциях в мордовском см. также: *Трубецкой Н. С.* Мордовская фонологическая система в сравнении с русской (1932 г.) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 63—66. О чередованиях в мордовском как диалектном

- явлении см. также: *Ермушкин Г. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М., 1984. С. 64—65.
- 32*. «...в южноарабском наречии мехри...» — язык мехри (с диалектом харсуси), равно как и языки шахри (шхаури), джиббали сохранились на юге Аравийского полуострова. Вместе с языком сокотри (остров Сокотра) классифицируются в настоящее время не как диалекты южноарабского (эпиграфического) языка, но как самостоятельная южносемитская ветвь языков. См. подробнее: *Милитарев А. Ю.* Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конференции. Ч. 3. М., 1984. С. 7; Приложение. С. 44.
- 33*. ...гурма... — языки гурма включаются в группу гур центральнобантоидных языков (Африканское языкознание, с. 419).
- 34*. «в берберских языках *a-* (муж. р. ед. ч.), *i-* (муж. р. мн. ч.), *ta-* (жен. р. ед. ч.), *ti-* (жен. р. мн. ч.)». О значении указанных префиксов см. в общих работах по берберским языкам: *Завадовский Ю. Н.* Берберский язык. М., 1967. С. 34—42; *Basset A.* La langue berbère // Handbook of African languages. Pt 1. London; New York; Toronto, 1952; *Picard A.* Les parlers berbères. Initiation à l'Algérie. P., 1957; *Basset A.* Sur la voyelle initiale en berbère // *Basset A.* Articles de dialectologie berbère. P., 1959. P. 86.
- 35*. Л. Я. Штернберг — см. примеч. 30*.
- 36*. «Кавказовед Brosset» — Brosset Marie-Felicité (1802—1880) — Марий Иванович Броссе — ориенталист-лингвист и историк. С 1830 г. — в Академии Наук Петербурга, с 1864 — директор нумизматического кабинета в Эрмитаже. Имеет работы по грузинской и армянской историографии. О нем: *Март Н. Я.* К столетию со дня рождения М. Броссе // ЗВО РАО. Т. 14. Вып. 4. СПб., 1902.
- 37*. «Стадию с одним правым...» — судя по примерам, имеется в виду фонемный статус плавного, но не его фонетическая реализация.
- 38*. *Karlgren — Bernhard Karlgren* (1889—1979), шведский ориенталист. См. его «Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese, and Dictionary of Chinese dialects». Göteborg [б. г.].
- 39*. *Lessing — Ferdinand Lessing*, шведский ориенталист-этнограф, участник китайско-шведской научной экспедиции в северо-западные провинции Китая и Центральной Азии. Автор ряда работ по религиям и этнографии этих регионов, в том числе: *Lessing F., Othmer W.* Lehrgang der nordchinesischen Umgangssprache. Tsingtau, 1912; их же: Manual of the Mandarin language. Shanghai, 1914.
- 40*. *Hirth — Friedrich Hirth* (1845—1927), немецкий ориенталист-этнограф, специалист по языкам, искусству и культуре Дальнего Востока и Центральной Азии. См. о нем: Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag. B., 1920; Hirth Anniversary volume. L., 1923.
- 41*. *Wade — Thomas Francis Wade* (1818—1895) — английский дипломат и китаевед, автор системы романизации китайского языка (Wade-Giles system), из его работ: Peking Syllabary (1859).
- 42*. *Couvreux — F. S. Couvreux* (1835—1919), французский ориенталист; см. более позднюю его работу: *Couvreux F. S.* Dictionnaire classique de la langue chinoise. Peiping, 1947.
- 43*. *Vissière — A. Vissière.* Premières leçons de chinois. Langue mandarine de Pekin. 2 éd., rev. et augm. Leide, 1914.
- 44*. Палладий — Архимандрит Палладий — русский ученый-китаевед П. И. Кафarov (1817—1878). Из его работ: *Архимандрит Палладий и Попов И. С.* Китайско-русский словарь. Пекин, 1888. Т. 1—2; *Архимандрит Палладий.* Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам // Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877. О нем см.: *Скачков П. Е.* Библиография Китая. М., 1960.
- 45*. Язык зулу — юго-восточная группа языков банту. См.: *Охотина Н. В.* Язык зулу. М., 1961.
- 46*. Самоанский язык — входит в западную подгруппу полинезийских языков. См.: *Аракин В. Д.* Самоанский язык. М., 1973.
- 47*. Египетский, см.: *Коростовцев М. А.* Египетский язык. М., 1961; его же. Введение в египетскую филологию. М., 1963 и соответствующую библиографию, приводимую в указанных работах.
- 48*. Ведический санскрит, см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Санскрит. М., 1960; о ведийском санскрите, указ. соч., с. 23; также: *Елизаренкова Т. Я.* Ведийский язык. М., 1987.
- 49*. Зендский (уст.) — язык перевода «Авесты», называемого «Зенд», который распространялся на название собственно языка «Авесты», называемого в настоящее время авестийским. См.: *Соколов С. Н.* Авестийский язык. М., 1961.

- 50*. О японском языке см.: *Сиромятников Н. А.* Древнеяпонский язык. М., 1972.; *его же*: Классический японский язык. М., 1983.
- 51*. Готтентотский язык — включается в группу палеоафриканских языков.
- 52*. Язык маори входит в восточную группу полинезийской ветви австронезийской языковой семьи. См.: *Крупа В.* Язык маори. М., 1967.
- 53*. Язык таити входит в восточную группу полинезийских языков. См.: *Аракин В. Д.* Таитянский язык. М., 1981.
- 54*. Корейский язык — см.: *Холодович А. А.* Очерк грамматики корейского языка. М., 1954; *Мазур Ю. Н.* Корейский язык. М., 1960.

Белова А. Г.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ «ОСОБЕННОСТИ СООТВЕТСТВИЙ ПЛАВНЫХ СОГЛАСНЫХ»

- 5*. Соответствие груз. *sqali* ~ мегр.-чан. *sqari* «вода» — загадочное в картвельской этимологии, так как в нем не выполняется одно из самых надежных звукосоответствий: груз. *-a-* ~ мегр.-чан. *-o-* (пракартвельское **a*), см. об этом: *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964. С. 159—160. Точка зрения Н. Я. Марра, А. С. Чикобава и Н. В. Юшманова о «заимствовании» или «гибридизации» вряд ли приемлема ввиду того, что речь идет о важнейшем элементе исконной лексики. Г. И. Мачавариани попытался опровергнуть это сопоставление, предложив в качестве мегрельской параллели грузинскому слову не *sqari*, а *sqi* «источник, родник» (см.: *Мачавариани Г. И.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965. С. 91 (на груз. яз.), см. также: *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz III // *Georgica*. 1985. Hf. 8. S. 28).

Здесь и ниже Н. В. Юшманов считает отклонением от регулярных звукосоответствий соотношение груз. свистящие — мегр.-чан. свистящие. Однако в начале 60-х годов была продемонстрирована их полная регулярность, см.: *Мачавариани Г. И.* О трех рядах сибиллянтных спирантов и аффрикат в картвельских языках // XXV Международный конгресс востоковедов: Докл. делегации СССР. М., 1960.

- 56*. О соответствии груз. *r* — мегр.-чан. *-nž/-d-* перед *i* см., например: *Рогавя Г. В.* Из области звукосоответствий в картвельских языках: *r-ž* // Вопросы структуры картвельских языков. I. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- 57*. Ачарян — Г. А. Ачарян (1876—1953). Имеется в виду работа: *Adjarian H.* Étude sur la langue laze // *MSLP*. 1899. T. X. Fasc. 2—3, 5—6.

Тестелец Я. Г.